

ЭХОЛЕТНИЕ

Андрей ЕЕ

Андрей ЕЕ ЭХОЛЕТНИЕ

Роман-детектив

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Андрей ЕС ЭХОЛЕНИЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23578649

Аннотация

События в *Эхолении* разворачиваются в некоем провинциальном городе Лисецк в 30 –е и 80 –е годы прошлого столетия. Непростой период репрессий фатально изменяет жизнь Бартенева Владимира Андреевича, преподавателя философии в лисецком университете. Ему предъявлены обвинения в организации терактов и участии в антисоветских организациях. В восьмидесятые годы его внук, Поль Дюваль, преподаватель французского языка в Туре , использует свою командировку в СССР и прикладывает все усилия , чтобы найти могилу своего деда в Лисецке. Алексей Самойлов, студент юридического факультета, обладающий незаурядными способностями в области психоанализа и логики , знакомится с Полем Дювалем и они вместе приступают к расследованию обстоятельств гибели Бартенева и практически сразу оказываются втянутыми в опасный водоворот чекистских игр.

Содержание

Май 1986, 20 километров западнее Джелалабада	5
Январь 1937, г. Лисецк	12
Март 1984, г. Лисецк	19
Май 1937, г. Лисецк	27
Август 1983, г. Тур, Франция	43
Февраль 1984, Москва, Лубянка	55
Февраль 1984. 20 км южнее Лисецка, в/ч №... 10 минут спустя	59
Февраль 1984, г. Лисецк	62
Июль-август 1983, г. Тур, Франция	92
Октябрь 1936, г. Лисецк	102
Март 1984, г. Лисецк	118
Август 1983, г. Тур, Франция	132
Февраль 1984, г. Лисецк	150
Конец ознакомительного фрагмента.	157

ЭХОЛЕНИЕ

Роман-детектив

Издательство «Коммерческие технологии» г. Москва ДК

882 Е 81

Е 81 Андрей ЕС

Эхология. Роман. – Москва:

Издательство “Коммерческие технологии”, 2016. – 416
стр. ISBN 978-5-86541-028-7

УДК 882

ISBN 978-5-86541-028-7

©Андрей ЕС все события и герои романа вымышлены.

Возможное сходство с реальными фактами и людьми случайное.

Май 1986, 20 километров западнее Джелалабада

Каменная крошка, перемешавшись с песком, скрипела на зубах. Душа покрылась ноябрьским инеем, сердце стучало невпопад автоматным очередям, мозг твердил – откатись и замри, а затворная рама тем временем ритмично выводила – бе-саме – бесаме му-чо...

Десяток парней в потертых «хэбэшках» и в «стекле»¹ и еще около двадцати в традиционных изарах, перуханах и пакулях² играли в незамысловатую мужскую игру. Единственной представительницей женского пола среди играющих была смерть. Нет, не старая горбуня с косой – этот образ зависит исключительно от возраста. Очевидно, такую ассоциацию вызывали у старичков, прогулявших сенокос, их уставшие ровесницы – жены, вернувшиеся с полей с сельхозинвентарем в руках. А у тех, кому еще вчера было девятнадцать, – это либо брызгающая от негодования в лицо слюной учительница геометрии, либо несущаяся за тобой во весь опор дородная тётка – контролёр с кумачовой повязкой на рукаве. У каждого персонажа персональные фобии. Сегодня эта дамочка металась от одной команды к другой и, веселясь, ставила печати на лоб, кому «200», а кому «300», чтобы позже не путаться при заполнении типовых форм ведомостей

для перевозки грузов.

Точнее говоря, эта игра окончилась, еще не начавшись. Бойцы, изредка перебрасываясь между собой словами на русском языке, колонной по одному продвигались вдоль русла высохшей речушки, которая вместо волн и водоворотов теперь лениво перекатывала песок и мельчайшую пыль от камней, да и то, если везло с ветром. Слева их дорогу ограничивала длинная желтая скала без единого клочка растительности, а справа полого поднимался склон горы с небольшими распадами, сплошь заполненными древесными массивами из индийской пальмы, инжира и миндаля. Еще полчаса назад бойцы внимательно осматривали предгорные ландшафты, но столбик температуры с каждой минутой рос от минусовой отметки к неожиданным двадцати, о чем свидетельствовали растекающиеся серые пятна пота на спинах, и бдительность постепенно уступала место усталости. Когда небольшой отряд поравнялся правым плечом с особенно густыми зарослями «зеленки», парни, ненадолго победившие усталость, прищуренными от яркого солнца глазами тревожно изучали лиственный покров, слегка покачивающийся под сквозящим майским ветром. До конца скалы осталось пройти не более двухсот метров – и про опасный отрезок пути можно будет забыть. Однако справа было удивительно спокойно, лишь стайка бекасов стремительно поднималась в высь голубого неба.

Когда упал Дзюба, прапор лет за тридцать, старый матер-

щинник, до сего дня воспринимающий новое пополнение как расходный материал в виде наждачной или туалетной бумаги – никто не вздрогнул... Это судьба для тех, кто не верит в любовь. Вроде обычный калибр 7.62, а снёс полголовы. Левая бровь так и осталась удивлённо-приподнятой: «Ну что вы тут мне в очередной раз на... вертели?» А правую бровь стёрли вместе с остатками черепа. Из «зелёнки» палили в режиме нон– стоп. Есть такой режим, когда занюханный, в копоты муджахид пытается отвоевать себе место в раю, сопряженное с кучей стройных наложниц размера S -не больше, ибо они сами размера S – тоже, кстати, не больше.

Потом чихнул Валька Сапфир. До призыва начинающий геммолог. Это из тех, кто пытается оценить ценные камни. Трудно сказать, чем нагрели его предки, но смещенный калибр 5.45, судя по его лицу, отмолил все их преступления. За семь поколений назад и за семь поколений вперед. Тёмка к тому времени уже отошёл. Пули проделали пару лишних отверстий в ее, и часть из них ещё вдобавок угодила в спину. Веселый был парень, ни дня без шутки... до этого дня.

Тищенко – чудный хохол с клочками колючих усов под носом, всегда был уверен, что стакан сметаны и кружка пива – нет, пыва, превратит его в Шварценеггера, так и не дожил – уровнялся с Петровым, которому в силу его крестьянской силушки были пофиг и Шварц и Сталлоне. Он на спор пальцами ломал чугунные черпаки³ в столовой.

Ниязов. Наверное, не плохой человек был. Так никто и

не узнал. Покупал всегда и везде какие-то полотенца, на какую-то свадьбу. Дурацкий крупнокалиберный патрон оборвал и эти начинания, видно Аллаху так было угодно.

Один из немногих уцелевших – Лёшка Каркас, русский, не женатый, не судимый, комсомолец, еще пока живой и всегда, конечно, готовый на подвиг, успел нырнуть за высокие камни, сгруппироваться, перекатиться и приготовиться к бою. Парни прозвали его Каркасом за нечеловеческое упрямство и нежелание гнуться под различные обстоятельства. Однако сегодня он больше был похож на ящерицу, воткнувшую голову между двух довольно крупных кусков камней, отломившихся от горной породы. Ящерица распласталась, подставляя изогнутую спину ласковому солнышку, а в качестве развлечения лупила по «зелёнке» как в копеечку, не думая о запасах боекомплекта. Прицел пулемета стал единственным целым со зрачком правого глаза и мгновенно наводился на любое движение с противоположной стороны высохшей реки.

Главное в бою – это страх. В любом бою. У кого его меньше, тот и побеждает. Каркас не знал, у кого его меньше сегодня – у него или у его весёлых друзей, засевших напротив. Свой страх он загнал между большими и средними пальцами обеих ног. Они потели до подошв кроссовок, которые были гораздо удобнее и практичнее, чем сапоги – комбат Иващенко матерился по этому поводу немилосердно, но кому интересно было его мнение в тот 86-й год...

В год, когда весенним утром их разведвзвод был поднят по тревоге и после короткого и четкого инструктажа, в котором первому отделению отводилась задача прикрытия ущелья для передислокации основных сил батальона, отправлен на встречу с великим Лениным и с прочими угодниками веры и славы...

Венька лежал за камнем, поджав под себя ноги и вжимаясь лбом в землю, при этом надсадно орал в микрофон радиостанции Р-159, работавшей в УКВ-диапазоне, причем так мощно, что наверняка его голос могли услышать и без технических средств в расположении батальона, а Каркас, подпирая задом скалу остро чувствовал, что очень скоро всё разъяснится и упростится. Редкие красные цветки верблюжьей колючки, неподалеку от которых разлегся Лешка, раньше были подспорьем – из яндака парни варили отвары и от ангины, и от дизентерии, даже от банального кашля, но сегодня их яркий, сочный цвет вызывал явно пессимистическое настроение.

Не добавлял настроения и ветер, гнавший специфические запахи крови и фекалий убитых товарищей.

Дшк ... дшк – скупыми очередями бил его пулемёт РПК-74. Сошки пришлось сложить, не влезали, сволочи, между камней, и темп стрельбы поменять – два перемотанных изолентой магазина уже валялись опустошенные рядом.

Пиу... пиу – чирикали в ответ и рассыпались где-то за спиной стайки металлических птичек, выпущенных в ответ

из почти аналогичных АК в липких от страха и азарта афганских руках...

Раньше Лешка часто озадачивался вопросом, почему птица удачи всегда должна быть непременно синего цвета? Сегодня он получил неожиданный ответ. Потому что именно такого серо-синего цвета было брюхо фюзеляжа у «вертушки» Ми -24, высунувшейся из – за скалы и недовольной, как медведица, которую разбудили посреди зимы.

Каркас, из-за спины которого вылезло родное чудовище, знал, что сейчас последует, поэтому глубже вжался между камней и плотно зажал уши руками. Ми-24 общался со всем миром на универсальном языке – посредством четырехствольного пулемета ЯкБ-12,7. Общался всегда скороговоркой – пять тысяч вертолетных слов в минуту, а говорить помогал вращающийся блок стволов. Каркас раньше много раз видел, как рой светлячков разрезал пополам машины, разносил полуметровой толщины дувал, а если случайно касался человека, то от того оставались только руки – ноги, да и то благодаря тому, что далеко отлетали. Вот и сегодня все по плану. Клубы пыли, дыма, фонтаны песка упали вновь на землю, вместо «зеленки» – груды щепок и неровно срезанных пеньков. Наверняка духанщик из соседнего кишлака скажет спасибо за заготовку дров на всю зиму. Муджахидины скорее всего утомились и легли поспать. Больше с той стороны никто общаться не хотел. Ми -24 высказав всё, что наболело на душе винтокрылой машины, поклонился зрителям и ис-

чез за скалой. Наступила мертвая тишина.

– Спасибо, ба, – шепнул Каркас потрескавшимися губами бездонному синему небу, перевернувшись на мокрую от пота спину. Маленькая, сухонькая бабушка, когда была жива, любила его преданно и ежедневно, без перерыва на праздники и болезни, и даже после своей смерти оберегала внука от всех бед и несчастий. Каркас в этом не просто был уверен, он это точно знал. В Бога он слабо верил, точнее – вообще не верил. Жить двадцать лет в стране атеистов и не быть при этом диалектическим материалистом?.. Но кто может запретить верить в родных, которых уже нет на свете. С небольшой поправкой – Каркас не верил, он знал, что бабушка рядом. Можно было, конечно, списать везение на радиста, достававшегося до базы или на «вертушку», заходившую в этот момент на посадку в двух километрах от места боестолкновения. Но Лёшка точно знал, кто помог и связал оба события.

Каркас ради любопытства отсоединил магазин, выщелкнул оставшиеся три патрона, усмехнулся и резко встал на ноги...

Январь 1937, г. Лисецк

По лестнице, ведущей на четвертый этаж управления НКВД, где располагалось руководство, не спеша и не глядя по сторонам, поднимался помощник коменданта, а с недавних пор еще и сотрудник для особых поручений. Китель со «знаком Почета» и звездой младшего лейтенанта госбезопасности на обшлагах был идеально подогнан под его маленькую фигуру, но мало кто осмелился бы намекнуть на его рост – справа из потертой боевой кобуры выглядывала рукоятка наградного нагана, весомый аргумент против шутников. Было еще сломанное в детстве левое ухо, дефект которого с возрастом становился все заметнее, но в целом он мало чем отличался от других чекистов – высокий лоб, русые, коротко стриженные волосы с челкой, закрывающей половину лба, славянское скуластое лицо. Светлые, почти прозрачные глаза резко контрастировали с короткими, но густыми черными бровями. Между этажами на стене висел крупный портрет Железного Феликса, который требовательно и придиричливо осматривал каждого, кто проходил мимо. Младший лейтенант посмотрел в глаза Феликсу, и ему показалось, что в последнее время родоначальник службы старается избегать его взгляда.

Не глядя на помощника начальника управления, сидевшего перед дверью у телефона, и не спрашивая разрешения,

чекист толкнул дверь и вошел в кабинет. Помощник уделит ему столько же внимания, сколько, наверное, уделит бы сквозняку, хлопнувшему дверью. Если входит сотрудник для особых поручений, значит, его ждут, и любой лишний вопрос может закончиться в лучшем случае увольнением.

В просторном кабинете, под большим портретом Ленина в позолоченной раме, в конце длинного стола расположился его хозяин – майор госбезопасности Якименко. Человек в немалом возрасте, с угрюмым лицом и тяжелым взглядом, поблескивал лысиной в лучах январского солнца. Окинув взглядом вошедшего без стука, расстегнул верхнюю пуговицу на кителе и, нервно дёрнув лицом, достал из папки пару отпечатанных на машинке листков:

– У тебя сегодня две свадьбы. Ознакомься, – пухлой ладонью он повернул листы в сторону младшего лейтенанта.

Тот спокойно приблизился к столу начальника, взял документы в руку и, не глядя на них, уперся взглядом прямо в глаза Якименко:

– Время?

– В девять и девять тридцать. Интервал полчаса, – прозвучало в ответ. – Готов?

Оба понимали, что стоит за термином «свадьба». Иногда посвященные именовали то же событие «убытием по первой категории», но словом «расстрел» – никогда.

Сотрудник для особых поручений оставил без ответа вопрос начальника, молча повернулся и двинулся к выходу.

Уязвленное самолюбие Якименко, перед которым дрожали колени у всего лисецкого аппарата НКВД, кинуло вслед младшему лейтенанту:

– Ты бы хоть ознакомился с документами, – за это ведь под суд можно попасть.

Сотрудник, дойдя до двери и уже прикоснувшись к ручке, на миг застыл и, не меняя положения корпуса, повернул голову почти на сто восемьдесят градусов:

– А что, вы их сами напечатали? – и неожиданно он улыбнулся. Лучше бы он этого не делал. Резиновая улыбка и холодные глаза больно хлопнули начальника по затылку, и липкий ручеек пота скользнул тому за воротник и, холодком пробежав через всю спину, растаял где-то в области мощного зада.

Когда закрылась дверь, Якименко расстегнул еще одну пуговицу на кителе, достал из нижнего ящика стола пятидесятиградусную «Особую», наполнил стакан до самого верха, шумно выдохнул застрявший в легких воздух и выпил: «... ёшь твою мать... сам вырастил монстра»...

Взгляд упал на два одиноких листка бумаги, лежавших друг на друге и предлагавших любому, кто способен, прочитать последние резолютивные фразы, выполненные как под копирку: «Осужден 16 января 1937 года ВКВС СССР в Лисецке по ст.ст.19-58-2, 58-8, 58-11. Приговорить к ВМН». Сегодня как раз было шестнадцатое января, и сверху требовали немедленного исполнения приговора, день в день. И не

только для этих двоих. Страна находилась в тяжелых экономических условиях, еды не хватало даже честным труженикам. А паразитов пусть кормят паразиты.

Якименко вспомнил неожиданно улыбку сотрудника для особых поручений и понял, что сердце так и осталось сжато чье— то железной рукою. Ещё сто грамм заставили его биться ровнее и спокойнее.

Он также вспомнил, как полгода назад Антонов, штатный исполнитель приговоров, вошёл к нему в кабинет и сказал: «Всё, товарищ майор, я на покой, устал». Антонов, у которого белогвардейцы запытали жену, перед смертью отрезав у неё обе груди. Антонов, который ненавидел пролетарской ненавистью тех, кого казнил. Тот, кто исполнял всю процедуру четко, от начала и до конца. Тот, в ком был уверен как в себе, — тогда вошел, протянул трясущиеся руки вперед и пояснил: «Всё... спёкся, начальник, ... не могу больше».

Классный специалист в этой области был необходим каждому областному НКВД как воздух. О результативности региональных и областных управлений судили не только по количеству раскрытых преступлений, но и по неотвратимости наказания и чёткости исполнения приговоров. Якименко это прекрасно понимал. Антонов это делал идеально, поэтому последние годы Москва неоднократно ставила лисецкий НКВД в пример остальным именно в этой части. В тот вечер они долго говорили, вспоминали, выпили по сто грамулек водки — и Антонов неожиданно уснул прямо за столом... Всё

стало ясно. Круглая голова палача, лежащая на столе, давно не мытые седые волосы, прядь которых попала в стакан, зажатый в руке, и полузакрытые глаза не могли принадлежать высококлассному специалисту.

На следующее утро Якименко попросил боевого товарища только об одном – в кратчайшие сроки подготовить нового спеца. Вечером того же дня перед начальником стояли Антонов и молодой сотрудник одного из отделов, курировавший тракторный завод города, точнее сказать, его филиал. Якименко, окинув взглядом плюгавенького опера, терпеливо ждал разъяснений палача. Тот не заставил себя долго ждать:

– Я с ним всё обсудил. Он лучшая кандидатура. Гарантирую, – Антонов задержался на секунду у двери и добавил, – если вас устроит, завтра начнем инструктаж.

Дверь закрылась, и Якименко еще раз придирчиво взглянул на мелкого чекиста. Опер стоял, потупив взгляд, полный нерешительности. «Совсем спился старик», – подумал начальник об ушедшем. Вслух, однако, он спросил:

– Справишься? Дело-то непростое.

– Я член партии, значит, справлюсь, – неожиданно твердо прозвучало в ответ.

– Ладно, догоняй Антонова, и чтобы инструктаж начали сегодня, а не завтра.

Опер козырнул и четко выполнил строевой поворот «кругом».

– Да, и пусть Антонов ко мне сейчас зайдет, – начальник достал из кармана пачку «Беломорканала», в народе именуемую «БК».

Новоиспеченный исполнитель, повернул голову назад, как сова, и ответил: «Есть!»

Якименко оторопел – «Просто филин какой-то», не подозревая, что повторил про себя обидную кличку, прилипшую к чекисту еще в детстве за умение вращать головой и производную от его полного имени...

– Ты что, совсем на хрен мозги пропил!! – минут десять спустя начальник гневно давил на Антонова. – Или решил уйти на покой по-быстрому и подсунуть мне какое-то говно!! Да я тебя сам исполню, вот этой рукой!!

– Иваныч, постой, не горячись, – иногда старый коллега переходил на «ты». – Я за последние годы таким психологом стал – не хуже профессора. Я его давно приметил. И давно прокачал. Как чувствовал, что надо смену готовить, – улыбнулся Антонов, – Били его в детстве. Вон ухо-то раком и стоит с тех пор. Поэтому мести и злобы в нем хоть отбавляй. А это мотив ого-го. Вспомни меня.

– Да оно... стрелять-то хоть умеет?

– Стрелять научить каждого дурака можно, – Антонов хитро прищурился. – Этот взглядом убьёт...

Да, прав оказался старик. За полгода с Филином произошла разительная метаморфоза. Из нерешительного оперка он превратился в человека, который постоянно пугал Яки-

менко. Хоть наган Филина всегда находился в кобуре, но начальнику казалось, что тот не выпускает его из руки, даже заходя к нему в кабинет. К тому же у сотрудника для особых поручений появилась скверная привычка – разговаривая, смотреть собеседнику в центр лба. И замечания не сделаешь, и выносить всё это невозможно. Что ни говори, для паники были причины: уже полгода шли чистки в рядах НКВД, и попасть в эту мясорубку можно было запросто. Попасть так, что никто и помочь не сможет. Вот тогда и придет такой спецпорученец и «исполнит» тебя прямо на рабочем месте. Якименко нервно передернул плечами, вспомнив улыбочку и взгляд. Нет, он не угрожал этот взгляд, да и начальника никто не снимал с должности, но руки сами потянулись к «Особой»...

Март 1984, г. Лисецк

Алёнка проснулась легко как никогда, еще до противной трели будильника. Так можно проснуться только когда тебе еще девятнадцать с половиной лет. Возраст, когда глаза быстро открываются, правда, тело предательски сопротивляется экзекуции раннего подъема. Нырнула в ванную комнату, скинула пижаму, включила едва теплый душ на полную мощность – отец всегда требовал от дочери физической зарядки и водных бодрящих процедур, и критическим взглядом осмотрела своё отражение в зеркале. Карие, чуть раскосые глаза зеркального двойника смотрели немного снисходительно. Черные как смоль волосы даже после сна, чуть тронь рукой, красиво ниспадали на остренькие плечи. Талия была там, где и должна была быть. В верхней части живота по капризу природы тонкой полоской навсегда расположился млечный путь мелких родинок. Проблем было две. От матери достался нос картошкой – причина нередких девичьих слез, да и грудь упорно не желала расти, ну никак. Успокоение пришло чуть позже, когда Алёна изучила от корки до корки журналы «Советский экран» за последние пять лет и поняла одну простую истину. Главное в системе покорения и обольщения – это нежная женская улыбка плюс небольшие хитрости, усиливающие силу и мощь той самой улыбки, и умение безропотно покоряться судьбе, злему року и сильной

воле победителя.

Алёнка подняла правую руку вверх и прихватила ею волосы – интересно, а если бы она была блондинкой? Это движение родило два негатива. Первый – и без того маленькая грудь неожиданно исчезла, и второй – опять пробились недавно сбритые волосы подмышкой. С последней проблемой нет вопросов. Лезвие «Нева» заправляем в отцовский станок, пять-шесть движений – и вуаля, снова гладкая, нежная кожа, правда, с небольшими пупырышками. Первая проблема огорчила глубже и больше. Ведущие актрисы и кинодивы как-то выглядели по-солиднее, что ли, грудь явно у них присутствовала и причем во всех позах, даже с поднятыми вверх руками. Ну, ничего, может действительно надо родить, как объясняла мама, успокаивая дочь. После родов, именно после них и никак иначе, женщина превращается в женщину, и всё становится на свои места: уверенный взгляд и, конечно же, округлившаяся грудь. Но и это даже не самое главное. Главное – благополучная семья, непьющий, не гуляющий муж-трудоголик, двое детей, как минимум, ну и конечно положение в обществе, опять же благодаря исключительной и ведущей роли женщины, которая мотивирует непьющего мужа-трудоголика работать не только на благо отчизны, но и во благо детей и хранительницы очага.

Девушка устала от этих наставнических бесед, хотя глубоко в душе понимала, что с семьей ей конечно же повезло. Всё было на уровне. Мать, Зинаида Степановна, работала до

недавнего времени преподавателем в педагогическом институте, старший брат Валера в этом году окончил журфак, а отец... Отцом гордилась дружно вся семья. Потомственный чекист Нелюбин Кирилл Филимонович прослужил от лейтенанта до подполковника без проблем, легко, как книгу прочитал. Пользовался уважением коллег по работе и заслуженным авторитетом у соседей и вечно-живущих и вечно-сидящих бабушек на скамейке у подъезда. В нечастые праздники к ним в гости приходили его сослуживцы, говорили веселые и остроумные тосты, хвалили хозяйку за чудесный стол, отмечали Ленкину красоту и всегда поднимали рюмку за отцовскую честность, принципиальность, верность идеалам партии и народа.

Отец, невысокий спокойный брюнет, выглядевший значительно моложе своих сорока восьми лет, благодаря ежедневным пробежкам в любую погоду, когда произносили слова в его честь, стоял, едва улыбаясь и чуть наклонив голову в сторону выступающего, демонстрируя всем идеальный пробор аккуратной прически без единого намека на седые волосы. Загляденье, да и только. В такие моменты Алёнка особенно гордилась своим отцом – умным, всегда понимающим, заботливым, идеальным с большой буквы. И, безусловно, красивым. Повзрослев, она стала замечать изучающие взгляды подруг, их бесконечную стрельбу глазами. Когда отец был рядом, слышала их шепоток и ревниво в такие минуты смотрела на него. Но понимала, что все её опасения по-детски

глупы и напрасны. Отец, как истинный джентльмен, лишь только любезно здоровался, вежливо улыбался и безразлично отворачивался в сторону при первой возможности. Именно в такие минуты дочь понимала, что помимо верности службе отец навсегда верен ей. Это её заставляло гордо поднять голову, распрямить плечи, взяв отца под руку и повернувшись спиной к завистливым взглядам, «завидуйте, подружки», не спеша удаляться прочь...

– Ленк, ну ты уснула? – ручка на двери требовательно задержалась. – Я опаздываю. – Брат вечно опаздывал, но, однако, никогда еще ни разу не опоздал.

– Пару минут, окей? – сестра понимала, что парой минут тут не обойдется, тем более в такой день... Но, чтобы снизить градус напряжения, приходилось нагло врать, а потом минут пятнадцать спустя выпорхнуть из ванной комнаты, чмокнуть брата в щеку и погасить семейный пожар еще в зародыше. Эта схема очень даже работала, причем довольно часто. Трудно делить одно зеркало на двоих, особенно, когда ты уже совсем взрослая, да к тому же еще, если сегодня у тебя свидание...

– Алён, знаю я твои минуты ... – ручка не сдавалась. Но тут в коридоре послышался спокойный баритон её отца, и всё сразу стихло. Как он это делал, Ленка не понимала. Слышала и видела много раз, но не понимала, как можно было так точно и, главное, не повышая голоса, найти и расставить слова в такой последовательности, что спорить не хотелось

вообще, да и обиды никогда не возникало. Нет, что не говори, такой отец мог быть только у неё.

Когда, спустя минут десять, Ленка в спортивном костюме волшебного фиолетового цвета с супермодным значком «Рита» чуть выше правого кармана, недавней покупке отца, вбежала на кухню, вся семья была в сборе. Мать поднялась, чтобы принести ленкину порцию любимых ею чуть поджаренных сосисок с аппетитно пахнущей яичницей и маленькую чашечку из старинного сервиза, наполненную душистым кофе. Чай Алёна не жаловала, а кофе, сосиски и ветчина всегда в доме присутствовали в полном объеме. Несмотря на общий дефицит в стране, спецмагазин при управлении, где служил отец, работал исправно. Ленка кивком поблагодарила маму и села за стол. Брат спешно дожёвывал бутерброд, бросая на сестру укоризненные взгляды.

– Что? – Алёна скорчила удивленную гримаску, но искорки в глазах веселились. С братом они практически никогда не ссорились.

– Я тебя точно убью, – Валера улыбнулся, отхлебнул чай и, на ходу снимая футболку, кинулся в ванную.

Зинаида Степановна, покачивая грузным телом из стороны в сторону, суетливо заспешила мимо отца к плите, чтобы вынуть из духовки только что приготовленные пирожки с капустой. Если весь дом куда-то спешит, значит, и ей надо поторапливаться. Ленка проводила мать взглядом и подумала: вот сильная штука любовь. Они с молодым и поджарым

отцом так внешне разнятся, но ведь любят же друг друга всю жизнь. Ленка помнила их свадебную фотку, сделанную лет двадцать пять назад, где мама была совсем молоденькая и стройная, а отец был совсем другим – хрупкий и невзрачный. Прошло вроде немного времени, и всё встало с ног на голову – хрупкое стало сильным, а стройное – обрюзгшим. Чудно. Всё-таки матери больше повезло с отцом. Тот, видно, как полюбил ту стройную красивую девчушку со старой фотки, так и остался влюбленным в нее навсегда. Ну, а за что мать любит отца, тут перечислять устанешь. Ленка вздохнула.

– Свидание сегодня сразу после института, дочь? – спросил отец, не отрывая взгляда от сосиски, которую резал в этот момент ножом. Спросил просто и буднично, как обычно просят передать соль или перец.

Ленка поперхнулась:

– Пап, какое свидание?

– Какое свидание, Кирюш? – эхом отозвалась мать

– Ну, я рад, что не вечером, – не отвечая на их вопрос, сказал Кирилл Филимонович, – значит, мать волноваться не будет. Кстати, соль передай, будь добра, – обратился он к дочери. Ленка, перепутав ёмкости для специй, протянула ему перец:

– Пап, ну какое свидание, с чего ты решил? – повторила она настойчиво.

Отец, продолжая бороться туповатым ножом с сосиской, спокойно произнес:

– Если до экзаменов еще далеко, если сегодня никто не собрался в театр, если дочь именно с утра накладывает косметику гораздо больше, чем обычно, – вывод напрашивается единственный – свидание. Причем, свидание днем. Если бы вечером, ты нарядилась бы после занятий. Логично?

– Пап, ну это не свидание, просто договорились встретиться с человеком, поговорить. Ну сам же говоришь – все свидания вечером. Значит, днем – это встречи, логично? – со смехом парировала Ленка. – А косметика... так я же стареть потихоньку начинаю. Вот и приходится ею пользоваться больше и чаще. – Тут Ленка не выдержала и рассмеялась от души, прикрывая рот ладошкой. Легко смеяться над собственной старостью в девятнадцать лет.

– Да, конечно, логично, только я просил соль, а не перец, – улыбнулся отец. Ленка увидела, что именно она держала в руке, и окончательно расхохоталась.

– Так, а что, больше никто никуда не спешит? – мать, упревая руки в крутые бедра, шутливо показала, кто на кухне хозяин. – Доедайте и убегайте, болтуны.

– Так все-таки, с кем встреча? – ненавязчиво продолжил отец.

– Он француз, пап.

– Кто?! – тут уже поперхнулся Кирилл Филимонович и растерянно оглянулся на мать. – Ты, надеюсь, не забыла, где я работаю?

– Это преподаватель, пап, с нашей языковой кафедры, –

отмахнулась Ленка, – сам попросил встретиться. Там, наверное, вопрос либо в факультатив упирается, либо что-то еще. Ой, всё, меня уже нет! – Она подняла взгляд на часы и выбежала из кухни. – Спасибо, мам, – донеслось из коридора.

Май 1937, г. Лисецк

Владимир Бартенев после окрика конвойного поспешно прижался лбом к стене, чтобы лишний раз не получить в спину или в шею унижительный тычок. Это был среднего роста человек с растрепанными кудрями каштановых волос. Умные серые глаза, небольшой нос и высокий лоб выдавали в нем интеллигентного человека и тонкую натуру. Каштановая бородка была пострижена клинышком, как того требовала мода в ученых кругах. В свои почти тридцать два года он ощущал себя пожившим и много чего успевшим. Но, когда солидного человека, заведующего кафедрой социально-экономических наук, доцента философии по-крестьянски матерят, тычут прикладом винтовки, а в лучшем случае устало рывкают: «Мордой в стену, лярва», приходит понимание того, что видно не так много пожил и не так много успел. И вряд ли теперь успеть. Нет, липкого страха он не чувствовал. Интеллигентному, воспитанному человеку, к тому же не последнему специалисту в области мироздания и понимавшему ясно и четко, чем бытие отлично от небытия, смешно ощущать подобные эмоции. Осталось право только на легкое разочарование и усталость. Однако и это тоже было под запретом воспитания.

– Вперед пошёл! – Лязгнул засов, и Бартенев шагнул в открытую дверь небольшой и изрядно вонючей комнаты. Из

всего убранства посередине стоял деревянный, облупившийся от времени и бесчисленных слоев краски стол, и еще вдоль стены расположились два металлических ящика, очевидно, для одежды. В углу, сутулясь, стоял невысокий человек средних лет в форме энкаведэшника, в звании Владимир Андреевич не разбирался, который указал ему рукой на стол и коротко бросил:

– Раздеться.

Было жутко неудобно и стыдно раздеваться догола перед малознакомым человеком, но Бартенев со спокойным лицом начал с пиджака – предмета ежедневной гордости, старенького, но чистого. Оглядев комнату и не найдя в ней привычного стула, Владимир аккуратно сложил пиджак на столе. Сверху на него легли не менее аккуратные брюки. На секунду замялся с рубашкой. Рука никак не могла отыскать маленький галстук – бабочку. И тут же вспомнил, как злорадно ржали над придурковатым профессором три красноармейца, арестовавших его час назад, когда он, одеваясь, хотел застегнуть на шее галстук. Рубашка, подарок пятилетней давности от любимой жены Лизы по случаю регистрации брака, была также сложена в полной тишине. Рядом положил носки и синие сатиновые трусы. Босые ноги мерзли на каменном полу, мурашки как сумасшедшие бегали по всему телу, руки предательски подрагивали.

– Ноги на ширине плеч. Десять раз присесть. Нагнуться. Поднять руки. Опустить, – безликие команды летали по

комнате, отражаясь от стен. – Рот открыть! – энкаведэшник схватил левой рукой его за нижнюю челюсть, а правой едва не воткнул ему в рот висевшую над столом электрическую лампочку. Внимательно осмотрел язык, зубы, дёсна и, не проявляя эмоций, приказал:

– В стакан.

– Простите, не понял, – растерялся Бартенев.

Ничего не объясняя, чекист подошел вплотную к блаженному профессору и одной рукой затолкал его в один из металлических шкафов, которые, как оказалось, предназначались явно не для одежды. Дверца захлопнулась. В шкафу можно было только стоять. Полоска света пробивалась через узкую щель вентиляции где-то на уровне глаз. Сквозь нее Владимир увидел, как мучитель, оставшись один в комнате, тщательно осматривает его одежду, шов за швом, и безжалостно сваливает её в кучу возле стола. Дверь через некоторое время распахнулась:

– Одеться. Быстро. Конвой!..

Сложив руки за спину и снова шагнув в пустой и гулкий коридор, выполняя команды охранника, Бартенев попал на третий этаж и после очередного окрика повернулся лицом к стене, справа от обшарпанной двери с номером тринадцать.

Конвойный открыл дверь, вытянулся и гаркнул куда-то внутрь:

– Товарищ младший лейтенант госбезопасности, арестованный Бартенев по вашему приказанию доставлен. Разре-

шите заводить?

Получив положительный ответ, конвойный схватил его за плечо лапой с грязными, поломанными ногтями и втолкнул в кабинет.

В совсем небольшой комнате у зарешеченного окна стоял казенный стол с настольной лампой. Чуть левее и сзади от него – металлический сейф в человеческий рост. Деревянный табурет завершал интерьер кабинета.

– Здравствуйте и садитесь, – хозяин кабинета, брюнет в чистом кителе с тремя красного цвета усеченными треугольниками над обшлагами рукавов, выглаженных синих галифе, аккуратно причесанный и безукоризненно выбритый, указал рукой на табурет. Среднего роста, с умными совсем не злобными синими глазами, спокойный и уверенный – он разительно отличался от всех тех, кого успел увидеть Владимир за этот день. Хотя радости это не добавляло. Случайно, про себя, он отметил: похоже, что они ровесники.

– Здравствуйте. Моя фамилия Бартенев. Владимир Андреевич, – арестованный аккуратно примостился на краю табурета и замолчал, изредка посматривая на следователя. Последний не спеша листал содержимое тонкой папки, обложку которой украшала надпись: дело номер... и его фамилия – Бартенев В.А.

– Почему замолчали? – младший лейтенант окинул взглядом сидящего напротив Владимира.

– А что я должен говорить? – Бартенев чуть качнулся на

табурете.

– Ну, обычно арестованные кричат: «на каком основании, это трагическая ошибка» ... ну или на худой конец «слава трудовому народу»... – легкая усмешка чуть тронула тонкие губы.

Владимир не то, что был сбит с толку, но когда заранее себя готовишь к агрессии и жестокому допросу, подобное обхождение превращает в ничто всю твою готовность и твердость.

– Ммм...

– Гражданин следователь или гражданин младший лейтенант, как вам будет удобнее. У нас здесь такие правила. Это первое, – чекист закрыл папку и посмотрел внимательно на Владимира. – И второе – Бартенев Владимир Андреевич, рожденный 25 декабря 1905 года в Россоманском уезде Лисецкой губернии в семье мещанина, русский, женат, образование высшее, лисецкий университет плюс аспирантура, завкафедрой, доцент философии – всё верно?

– Да, гражданин следователь, всё правильно. Вы, осмелюсь спросить, наизусть это выучили?

– Нет, прочитал только что. Да и третье, для вас самое главное, вам предъявлено обвинение по статьям 58-8 и 58-11 уголовного кодекса РСФСР. Поясню, вас обвиняют в подготовке терактов против представителей советской власти, а также в участии в антисоветских организациях и группах, а именно: начиная с февраля 1935 года вы являетесь актив-

ным участником антисоветской право-троцкистской террористической организации. Поэтому, исходя из этих трёх посылок, хочу сделать логичный вывод: гражданин Бартенев, предлагаю упростить мою задачу и облегчить вашу участь – добровольно и чистосердечно признаться в совершенных вами преступлениях – ваша вина практически доказана, – следователь постучал карандашом по папке и положил его на стол, направив острый конец прямо в сердце Владимиру. – Но статья не расстрельная, если будете сотрудничать. От трех до десяти, в зависимости от содеянного, ну и естественно, сто первый километр. Что скажете, профессор?

Владимир явственно ощущал, как события последнего дня его засасывают всё глубже в водоворот и что вода, попавшая в горло, перекрыла путь дыханию. Ещё секунда – и конец. Небытие. И тут неожиданно, в самый последний момент, рука нащупывала спасательный круг, и мужчина с приятным лицом и идеальным пробором сказал: «Цепляйся, друг, я тебя вытащу»... Жаль было просыпаться и отгонять от себя такую надежду...

– Во-первых, спасибо, конечно, за профессора. Но я пока еще доцент, и скорее всего им и останусь. Во-вторых, если я никогда не был ни левым, ни правым троцкистом, то зачем мне заниматься самооговором. Уверяю вас, гражданин следователь, никто и никогда вам не заявит о том, что я собирался кого-то убить или что состою при этом в подпольном кружке. Это дикость. Моё дело – наука. Это моя жизнь, моя

цель, если хотите. И ещё мне нравится передавать молодежи знания. Это интересно, в конце концов, – Бартенев уже увереннее сел на табурет и, пригладив каштановые вьющиеся волосы рукой, чуть коснулся бородки – эспаньолки.

Следователь сделал паузу, внимательно изучая жертву, попавшую в мышеловку, – как бы достать так, что бы шкурку не испортить, и сдержанно улыбнувшись, произнёс:

– Для меня любой учёный муж – профессор. Всем известно, Владимир Андреевич, что знания рожают скорбь. Здесь, – он тронул рукой папку, – уже достаточно показаний, чтобы дело отправить в суд. Так что, прочитав такую книгу знаний, вы им не обрадуетесь, это точно. Потом о каких са-мооговорах вы говорите? Вы избавлены от такого труда. За вас уже всё сделали. На этой работе я многое узнал и многих людей увидел, и когда вижу перед собой достойного человека, а не отбросы общества, всегда пытаюсь ему помочь. Всякое бывает, вас могли оговорить, в конце концов. Так давайте сядем и спокойно разберемся во всем. Что было, как было и с кем было. Человек человеку друг, если я не ошибаюсь.

Крайне вежливый и слегка ироничный тон разговора настраивал на позитив, но Бартенев неожиданно ясно и чётко понял, что из всех вопросов следователя интересует только один. С кем? Спасательный круг выскользнул из рук, и обреченность в глазах сменила надежду:

– Ошибаетесь. – Бартенев прикрыл глаза. – *Homō hominī lupus est.* С латыни переводится как человек человеку волк.

Да, и еще неточность – не «знания рожают скорбь». «Кто умножает знания, тот умножает скорбь», – сказано в «Екклесиасте». Так будет правильнее, хотя суть вы передали верно. Простите великодушно, менторская привычка исправлять неточности – издержки профессии. Да, и если я вас правильно понял – мне надо просто дать фамилии моих друзей, и я скоро буду на свободе? Правильно?

Следователь с удивлением посмотрел на арестованного. Давно ему такие не попадались. Одной ногой в бездне, а смотри-ка...

– Бартенев, благодарю вас за урок латыни. Но боюсь, она вам не поможет. Машина правосудия закрутилась и будет крутиться до самого конца. Когда она остановится, от вас останется лишь горстка пыли. Поверьте мне на слово. Вам суждено было в нее попасть. Так что помочь вам сможет не только ваш интеллект, но и деятельное раскаяние, если вы где-то перешли черту. Я вижу, что вы весь в науке и на организатора не тянете, но, к сожалению, вы внутри схемы, и не я вас в неё втянул. Фамилии все есть. Осталось просто правильно оформить этот табель о рангах. Только табель с привилегиями наоборот, – он усмехнулся, – за верхнюю строчку смерть, за нижнюю – пинок под зад. Так что мне будет жаль, если я напутаю что-нибудь при ее заполнении, поэтому и прошу вас искренне помочь мне разобраться в этом вопросе. А что касается ваших друзей, профессор, так теперь тут неточность у вас – разве это друзья? – и он протянул ему

папку через стол, откинувшись при этом на спинку стула. – Читайте не спеша и будьте очень аккуратны со страницами. Я вам доверяю.

Бартенев бережно принял папку, открыл и углубился в её изучение. Пока он сосредоточенно изучал содержимое нескольких листков, разнокалиберных не только по размеру, но и по цвету и даже по помятости, следовательно, небезосновательно считая себя неплохим физиономистом, так же внимательно изучал мимику на лице Владимира. Вот поднялась левая бровь – удивился чему-то, вот обе брови полезли на лоб – совсем удивился, вот нервно качнул головой – ну надо же, как такое можно было сказать, вот тронул себя рукой за бородку – ну да, было, но только неправильно истолковано и перевернуто совсем, вот правый уголок рта пополз вниз – презрение читалось вполне отчётливо. «С ним всё ясно – ляпнул что-нибудь, где-то решил показать свои знания, кого-то интеллектуально унизил, кого-то просто переспорил. Вот и результат. Жаль дурака», – подумалось следователю.

Тем временем Бартенев читал удивительные рассказы о том, как он вместе с завкафедрой естествознания Михаилом Иосифовичем, милейшим человеком, к которому Владимир был два раза приглашен на дни рождения, с 1935 года вошли в состав право-троцкистской террористической организации, и целью этой организации было свержение нынешнего строя. Правда, свергнуть его не успели, но обсуждали во время чаепитий, как лучше это сделать и совсем не послед-

нюю, а скорее первую роль в этих обсуждениях играл Бар-
тнев. И это было написано со слов Михаила Иосифовича,
почти пенсионера, который из-за подагры застарелой еле пе-
редвигался, опираясь на тросточку, по маршруту : дом – ин-
ститут и обратно. Только подпись его что-то очень дрожащей
вышла и на самом краю страницы, как будто хотела сбежать,
улететь, исчезнуть.

Так, следующий, Зиновий Павлович, аспирант Бартенева,
его ближайший помощник не только на кафедре, но и в жиз-
ни. Он, можно сказать, был другом, если не считать десять
лет разницы в возрасте. Вместе с ним, а также вместе с Ав-
густом Петровичем, преподавателем физики, Николаем Мо-
исеевичем, замом ректора по науке, Львом Ароновичем –
русский язык и литература, и что самое удивительное, вме-
сте с неким Барабановым Василием Александровичем, водо-
проводчиком, обслуживающим здание университета, входив-
ли в еще одну антисоветскую группу, ставившую себе задачу
опорочить советский строй, партаппарат ЦК и проводимую
им политику. Еще были листки с допросами всех вышеука-
занных лиц.

Бартнев догадывался, приблизительно, какой ценой бы-
ли получены эти признания. Обиды не было. Было жаль ум-
ных, добрых людей, которых поломали и выбросили за нена-
добностью, как выбрасывают старую и ветхую мебель. За-
кончив чтение, он выпрямил спину и, глядя в глаза следова-
телю, произнес:

– Я ознакомился и готов к дальнейшему допросу. Хотел бы только указать, что с товарищем Барабановым не имел счастья быть знакомым, тут неточность. Я его не знаю.

– Это не главное. Главное, что он вас знает, – следовательно тоже смотрел глаза в глаза, пытаясь уловить настрой Бартенева. Тот потрянул головой и возразил:

– Позвольте, я знаю Карла Маркса, но это не значит, что он должен знать меня и вдобавок...

– Не позволю, – перебил следователь, – подбирайте более уместные сравнения и фамилии. Здесь вам не кружок троцкистов... Кстати, если зашла речь об основоположниках идей коммунизма, вы действительно подвергали их критике? – он перелистал странички, нашел нужную фразу и прочитал вслух: «...так же неоднократно критиковал великих Маркса и Энгельса, за их нелюбовь к русскому народу, за антисемитизм и т. д...», то есть, занимались антисоветской пропагандой и извращениями идей марксизма. Да и вот еще: «...неоднократно цитировал предателя Троцкого...». И вопрос лично от меня, вы против Советской власти? Прошу заметить, что ваш ответ я внесу в протокол.

Прежде чем ответить, Бартенев немного подумал, потерял кончик носа, на секунду кинул грустный взгляд за маленькое, закованное прутьями, окошко под потолком, на маленького черного паучка, успевшего свить свою сеть в углу под потолком, и вымолвил:

– Пишите. Мне нечего скрывать. Да, я знаю всех людей,

чьи допросы вы мне любезно показали, за исключением водопроводчика, простите, фамилия вылетела опять из головы. Все остальные – мои добрые друзья и товарищи, и, я надеюсь, таковыми и останутся. Целью наших встреч никоим образом не была агитация против советской власти или ЦК партии. Мы встречались, как встречаются люди, когда скучают друг без друга, с целью отметить праздник, да и просто провести досуг вместе. Нет, я никогда не занимался критикой идей коммунизма, хотя мне были непонятны некоторые высказывания товарища Карла Маркса и товарища Фридриха Энгельса. Могу процитировать: «У Европы одна альтернатива: либо подчиниться варварскому игу славян, либо разрушить центр этой силы – Россию»...

– Что за бред?! Это, по-вашему, сказал товарищ Карл Маркс? – полушёпотом спросил следователь, не поднимая глаз.

– Нет, конечно, это сказал Энгельс восемьдесят лет назад в период Крымской войны.

– Ну и что тут неясного? Товарищ Энгельс призывал на войну с российским самодержавием и царизмом, – голос следователя чуть окреп.

– Сейчас поясню. Энгельс с Марксом эмигрировали в Лондон в 1849 году, где они сотрудничали с газетным трестом «Свободная пресса». Товарищ Маркс тогда писал, что необходимо уничтожить Кронштадт и Петербург. Писал, что без Одессы и Севастополя Россия, как без глаз и без рук, и

только своей тушей попытается поразить врагов. Как человек миролюбивый, я не могу согласиться с данным тезисом. Призыв пролить кровь тех же рабочих и крестьян, которые населяли эти города, даже ценой свержения самодержавия — мне просто не дано это понять...

— И где вы это прочитали?

— Так у нас, в университетской библиотеке, кое-что сохранилось из старых подшивок прессы.

— Кто конкретно дал вам эту прессу? Фамилия библиотекаря?

Бартенев прикусил язык, но, не моргнув глазом, тут же ответил:

— Во-первых, библиотекарь здесь не причем. Статья на английском, а у неё два класса образования. У нас сотрудников не хватает. Во-вторых, статья действительно написана товарищем Марксом, и как она может быть после этого антисоветской? Простите, думаю лучше вообще про это не писать, а то ерунда какая-то получится... А кстати, почему вы ничего не пишете?

Следователь сидел, задумавшись, покачивая карандаш пальцами правой руки. Неожиданно он поднял глаза на Владимира и прошипел:

— Если я это запишу в протокол, расстреляют не только вас и меня, но и конвоира у двери, если он это услышал... Продолжим. Что именно вы цитировали из Троцкого и к чему конкретно призывали?

Бартенев позволил себе незаметно усмехнуться:

– Думаю, что вам это тоже не понравится. Я цитировал Троцкого исключительно с целью его критики. Как же можно было заявлять, что путем красного террора необходимо довести интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... Я считаю себя интеллигентом и никоим образом не желаю стать тупым животным. Единственное, в чем он оказался прав, так это в предположении, что после революции мы укрепим позиции сионизма...

– Ну а это-то тут причем?

– Ну как же? Я всегда удивлялся, почему во всех Совнаркоммах так мало русских...

Следователь откинулся и улыбнулся:

– Всё думал, где поймать нашего профессора... Теперь поймал. Вот это и есть антисоветская пропаганда. Запомните – у нас интернациональный совет народных комиссаров. А товарищ Володарский, чье имя носит улица, на которой мы сейчас находимся, а товарищ Чичерин, а товарищ Ульянов-Ленин в конце концов? Вот поэтому ваша ложь дискредитирует генеральную линию ЦК партии и наносит существенный вред трудовому народу, который бился на фронтах за свободу своей родины и не смог получить то образование, которое получили вы.

Бартенев ответил вопросом на вопрос:

– А вам известны фамилии Гольдштейн, Меендорф и Бланк? Я перечислил их в том же порядке, в каком прозвуч-

чали фамилии наркомов. Это фамилии их матерей. И в чем, собственно, я не прав? Мы с вами находимся на улице Моисея Марковича Гольдштейна, строго говоря, и по Конституции 1936 года у меня есть право на эту свободу слова. А что касается советской власти, то как я могу быть против нее, если она мне дала работу, знания, да вообще всё... Спасибо, что не спросили про мою работу на японскую или немецкую разведку.

Следователь задумчиво посмотрел на арестованного, вздохнул и с сожалением в голосе произнес:

– Владимир Андреевич, я надеялся, что вы умный человек, а вы, простите, идиот, жонглирующий словами, как си-
лач гирями в шапито. Только атлет поумнее вас будет. Он
кидает гири и ловит их, а ваши гири падают вам на голо-
ву. Наша страна только стала оживать, только-только стала
нормально есть и дышать. Как вы думаете, наших врагов это
устраивает? Нет, конечно. Вот они и подсовывают факты и
фактики таким, как вы, чтобы превратить вас в слепое ору-
жие для своих целей. Дайте время. Когда страна окрепнет
полностью – говорите что хотите и где хотите – если вообще
это будет кому интересно. А что касается свободы слова, то
я вам поясню. Это дома свобода слова, в кругу семьи, а вне
дома – это вредная агитация и пропаганда. У нас есть сво-
бода слова, но у нашего народа есть только одна идеология
– советская. А если у вас есть любая другая, то она антисо-
ветская. Вот и получается, что советская власть вас кормит

и поит, а вы воруете у нее...

Чекист сделал паузу и, отвернувшись к стене, совершенно серьезно добавил:

– А обвинения в шпионаже мы вам предъявлять не станем. Мы проверили – вы не шпион. Да и еще... Вы тут выгораживаете своих дружков – благородно, конечно, а о жене и дочери вы подумали? Кстати, где они? – мы их так и не нашли...

Август 1983, г. Тур, Франция

Поль Дюваль не спеша передвигался по маленькой квартире, рассеянно оглядывая в десятый раз шкафы, письменный стол, красный кожаный чемодан и небольшой рюкзак. Однако эта неторопливость с лихвой компенсировалась судорожно метавшимся мыслям в тесной кладовке головы. «Так, билеты на месте, паспорт на месте, деньги взял, диплом взял, справку с места работы получил, белье, свитер раз, свитер два, кардиган, костюм, будь он не ладен, пять рубашек. Две под костюм, три под джинсы... Джинсы, где еще одни джинсы?» Вспомнив, Поль прошёл в спальню и снял их оттуда, куда сам положил еще накануне, со спинки любимого кресла. Чемодан, обиженно отвернувшись, всем видом говорил: «Шеф, еще и джинсы, бог мой! Если я помнусь или, не дай бог порвусь, знаешь, что с тобой сделает отец? Ты хоть в курсе, сколько за меня заплатили?» Но, очевидно, Полю было плевать, судя по тому, как он забросил внутрь свои джинсы, нагло вдавил колено в нежный кожаный бок, застегнул молнии, стянул ремнями с блестящими пряжками, поднял и напоследок еще совсем невежливо пнул красный шедевр. Проходя мимо зеркала, висевшего напротив входной двери, Поль быстро оглядел себя. Отражение продемонстрировало среднестатистического француза в джинсах и клетчатом пиджаке, не с подиума, но и не клошара, среднего роста,

довольно субтильного телосложения, но не настолько, чтобы плечи использовались в качестве вешалки в гардеробе. В круглых очках из нержавейки, сквозь которые просвечивались серые глаза, лет двадцати пяти – возраст еще не мужа, но и ребенком точно не назовешь. Поль провел рукой по небритым щекам и небольшой бородке темно-русого цвета. «Ничего, таможня пропустит», – подумал он с усмешкой.

Поль немного нервничал, и его можно было понять. Сегодня предстояла долгая дорога в таинственный и суровый СССР...

Дюваль-младший свои неполных двадцать шесть лет прожил, практически не выезжая из родного города ни на шаг, за редким исключением. Иногда отец, Морис Дюваль, ведущий спортивную колонку в местной газете «Тур Суар», ездил с ним в Париж несколько раз по своим служебным делам. Это было так захватывающе – сидеть на переднем сиденье новенького «Рено» и наслаждаться калейдоскопом картинок в лобовом стекле. Отец был горд сознанием того, что открывает сыну новый мир, Поль был горд тем же обстоятельством. Между собой у них были, практически, дружеские отношения, хотя Поль больше тянулся к матери, Катрин Дюваль, хрупкой шатенке, находившейся в разводе со своим мужем уже больше десяти лет. Катрин владела небольшим книжным магазинчиком на набережной Луары, доход от которого позволял ей жить с тех пор самостоятельно и независимо. Матери при рождении дали русское имя Катя по при-

чине того, что она и ее родители тоже были русскими, да и родилась она в СССР в далеком 1932 году. Потом эмиграция в Финляндию вместе с бабушкой Поля, потом Франция, немного позже замужество, а еще чуть позже рождение сына. Вот собственно и всё, что слышал Поль от матери, когда пытался расспросить о её истории. Бабушка давно уже умерла, мать в любых разговорах старалась избегать разговоров о личной жизни, а других источников у Дюваля не было. Поль искренне любил мать и отчетливо понимал, что для нее это непростая тема. Сын старался лишний раз не травмировать Катрин своим любопытством, одновременно надеясь, что когда-нибудь она приоткроет сама завесу тайны своей жизни. Это «когда-нибудь» случилось месяц назад...

Поль родился в Туре и любил свой город, живописно раскинувшийся по обе стороны от Луары. Город французских королей, город замков, столица Франции в течение ста пятидесяти лет, и если бы не Генрих Наваррский, он же Генрих Бурбон, он же Генрих IV, тот самый, кто стал известен благодаря четверке мушкетеров, Эйфелеву башню сконструировали и построили бы в Туре. Чуть позже, в коллеже он гордился тем, что в нем родились Оноре де Бальзак и Франсуа Рабле и тем, что не каждый город в мире может отметить свое второе тысячелетие. Еще чуть позже, после окончания университета, Поль вообще перестал чем-либо гордиться. Река жизни входила в бетонные берега «так должно быть», или «как все», или «тебе надо стремиться к...».

В детстве, вместе с мальчишками он любил посидеть на каменных парапетах Луары, повзрослев, любил затеряться в хаосе узких улочек вокруг площади Плясплюм в каком-нибудь уютном кафе или, устав от пресса бытия, побродить в полуразрушенном монастыре Прюёр-де-Сен-Косме в саду роз. В монастыре давно уже узнавали субтильную фигурку с каштановыми волосами, жидкой бородашкой того же оттенка и очками из нержавеющей стали на носу. Но больше всего он любил проводить время в магазине своей матери, в букинистическом отделе, где пропахшие пылью и временем фолианты, выполняя функцию машины времени, закидывали юношу в разные эпохи. Особенное волнение Поль испытывал, прикасаясь к книгам русских классиков – Пушкина, Толстого, Достоевского. Он многое не понимал из прочитанного, но особое чутье подсказывало: здесь кроется загадка матери.

Несколько лет назад, после окончания университета, Поль предъявил родителям диплом преподавателя французского языка и литературы. Велико же было его удивление, когда они взамен предъявили ему ключи от его будущей однокомнатной квартирки на улице Виктор Гюго, той, что упирается в Ботанический сад. Это было здорово. Настоящая взрослая жизнь. Отец стал крупнее на четыре размера, а мама, отвернув глаза, просто прижала его к себе...

И вроде всё пошло хорошо. Работа в настоящем коллеже, где теперь уже Поль учил детей, новые друзья, незамужние преподавательницы всех мыслимых и немыслимых

наук с многозначительными взглядами, сдержанные, теперь уже взрослые вечеринки с половинкой бокала бордо или бургундского. Только чего-то явно не хватало. Как будто мчишься по широкому гладкому автобану с дорожной разметкой, сверкающей рекламой, а дорожных указателей нет. Вернее, они есть, но совершенно пустые, без надписей...

Однажды, после занятий, он зашел к матери в магазин, выбрал наугад книгу со стеллажа «русская литература» и присел за столик у окна для неторопливых покупателей. Катрин нашла сына там же минут десять спустя, собралась подойти к нему и чмокнуть в щеку, но что-то её остановило. Этим что-то оказались две вещи, книга, которую Поль так и не открыл и еще его отстраненный взгляд, направленный в сторону аллеи каштанов, застывших в ожидании осени.

– Привет, Полюшка, рада тебя видеть, – она приблизилась к нему почти вплотную.

– Привет, мама, – Поль привстал и поцеловал ее в щеку. Полюшкой его называл единственный человек в мире. И всегда между собой они говорили на русском языке. В детстве это был тайный код между двумя близкими людьми, который никто не сможет понять, а чуть позже это вошло в привычку. Мама и в свои пятьдесят лет прекрасно выглядела – небольшого роста, подтянутая, свежая, с безупречной осанкой, в черных брюках и деловом пиджаке синего цвета – она могла запросто выступить лицом любого парфюмерного бренда. Каштановые волосы едва касались плеч, тонкие брови под-

черкивали идеальный овал лица, а в светло-серых глазах было столько глубины, что от них не было никакой возможности оторваться.

– О чём грустишь? – она шутливо поцеловала его в ответ и при этом внимательно посмотрела в глаза.

– Всё о'кей, мама. – Поль решил не отражать взгляд и открыл книгу.

– Поль, рассказывай, – мать закрыла книгу перед его носом. – У тебя вроде не было от меня секретов...

– Мам, всё в порядке. – Поль улыбнулся. – Не о чем беспокоиться. Просто кризис среднего возраста.

– Что-что?! – мать весело рассмеялась. – У кого из нас?

– Мам, а почему вы расстались с отцом? – Сын посмотрел упор на мать. Та, хоть ей было и не просто, выдержала его взгляд и спросила:

– Это единственный вопрос?

– Нет, есть еще несколько.

– Хорошо, – мать обернулась и, найдя взглядом помощницу, обратилась к ней:

– Claire, je vais reposer pendant quelques minutes pour boire un cafe, restez pour moi s' il vous plait. (Клэр, я отойду на чашку кофе, замените меня, будьте добры).

Катрин встала из-за стола. Француженка, чуть старше тридцати, повернулась к ней и с милой улыбкой ответила:

– Biensure, madame, sans problemes. (Да, конечно, мадам, без проблем).

Взяв под руку слабо возражающего сына, Катрин отправилась в бистро Пьера, за углом, где она обычно обедала. Они присели за столик, притаившийся в тени каштана, напротив стеклянной витрины ресторана. Катрин достала сигарету и, нервно прикурив, спросила:

– Итак, дружок, что именно тебя мучает?

Поль выждал паузу пока подойдет официант:

– *Cafe au lait s' il vous plait, espresso et croissants.* (Пожалуйста, кофе с молоком, эспрессо и круассаны) – официант с вежливым поклоном отошел. – Мам, я спросил о причине развода. – Полю было неудобно говорить на эту тему, но что-то внутри него злилось и нетерпеливо требовало ответа.

– Мы разные, малыш, если коротко. – Катрин затаилась. – Ну, а если подробнее, француз должен жениться на француженке, а русская должна выходить замуж за русского. Ты удовлетворён?

– О'кей, – Поль заставил себя улыбнуться, – а что тогда делать мне, наполовину русскому, наполовину французу?

Катрин внимательно посмотрела на сына, веселая искорка блеснула в глазах, и она с совершенно серьезным лицом ответила:

– Смотри, – она указала на поверхность стола и положила левую руку на его левый край. – Здесь Франция, а вот здесь, – она указала на его правую плоскость, – Россия. Вывод?

Поль внимательно смотрел на стол, но ничего не понимал:

– Какой?

– Поскольку ты полукровка, значит, твоя невеста ждет тебя где-то посередине. Вероятно, в районе Польши, – Катрин рассмеялась весело и звонко. Случайные посетители кафе тоже неожиданно заулыбались.

Когда Поль понял, что его провели, как ребёнка, он решил обидеться, но потом рассмеялся вместе с матерью, а отсмеявшись, снова загрустил:

– Понимаешь, мам, мне двадцать шесть лет. Скоро пора жениться, заводить детей, а я ничего не успел сделать. Учю детей родному языку и литературе – и всё. И ничего в моей жизни больше не происходит. И сто процентов – ничего не произойдет. Я подсчитал, съем еще около пятнадцати тысяч ежедневных круассанов – и в последний путь... Твоя жизнь, хоть ты часто грустишь, и я не понимаю почему, намного интереснее моей. – Поль замолчал и потупил взгляд.

Катрин посмотрела на сына, протянула руку и нежно приподняла его лицо. «Какие у него все-таки удивительные глаза. Такие во Франции редко встретишь». А вслух произнесла:

– Дружок, всё не так плохо в этой жизни, если ею с умом распорядиться. Да, я понимаю тебя. Ван Гогам рождаются раз в сто лет, и Гагариным можно было стать единожды. Но не надо гневить Бога, у тебя прекрасная жизнь. Ты не знаешь ужасов войны, ты не терял родных, близких людей, ты не знаешь что такое голод... Жизнь – это как подарок – разверни, поставь на полку и наслаждайся, а если из любопытства

попытаешься понять, как он устроен, и нечаянно сломаешь его – всё, нет больше подарка и нет больше радости. Какой подарили, такому и радуйся. – Она взъерошила ему волосы на голове и улыбнулась.

Поль бережно отвёл её руку в сторону и неожиданно спросил:

– Мам, а расскажи мне про своё детство там, в СССР. Ты никогда и никому не говорила об этом. Но я видел всегда, что эта тема тебе неприятна. Почему?

– Поль, да и рассказывать, в общем-то, нечего. Я была совсем ребенком и мало что помню, – Катрин машинально прикурила вторую сигарету, но, сделав пару затяжек, затушила ее в пепельнице. – Я родилась в небольшом провинциальном городке, Лисецке, это ты знаешь. Помню нашу квартиру, помню свою плюшевую игрушку. У зайца не хватало одного глаза, и я за это звала его Пиратом. Помню, как часто меня брал на руки отец, я всегда кололась о его бороду и усы и плакала. Помню, как он называл меня Кашей и говорил, что будет называть меня Катюшей, когда я вырасту. А если я не буду есть кашу, то так сокращенной Кашей и останусь. Я снова плакала и быстро ела. А мама всегда смеялась. Потом неожиданно всё сломалось. Отца арестовали, мы с мамой убежали в Ленинград, оттуда в Финляндию и только после войны смогли перебраться сюда. Моя мама, твоя бабушка Элизабет, или Лиза, всю жизнь пыталась выяснить судьбу мужа. Писала письма в МИД СССР, в Красный Крест,

обращалась в наши министерства, но сведений было крайне мало. Всё, что она смогла найти за десять лет: после ареста, спустя полгода он был казнен, как террорист, потом, правда, спустя еще двадцать лет, был реабилитирован. Главное, что она хотела найти это место, где его похоронили. Я, к сожалению, тоже так и не смогла это выяснить. Мы же русские, и для нас это важно. А я не грущу, нет, просто, когда думаю об отце, то думаю одновременно о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы его не арестовали и мы бы все вместе смогли прожить эту жизнь на родине. А то, что касается моего молчания, сам подумай, я дочь террориста, ты его внук. Зачем кому-то всё рассказывать, чтобы потом перед кем-то оправдываться?

– Мама, я не понял, – Поль наморщил лоб и сложил ладонь в кулак у своего носа. – Как такое может быть? Сегодня ты террорист, тебя расстреливают, а завтра оправдывают. Если это судебная ошибка, то зачем бежать? Вам была положена с бабушкой компенсация, как минимум...

– Ты смешной, – Катрин не удержалась и прикурила снова, – какая компенсация? Там три миллиона было арестовано и посажено в те годы и около миллиона из них расстреляно. Могли бы расстрелять и на два человека больше вместо компенсации, только мы вовремя сбежали, – мадам Дюваль грустно пошутила.

– Мама, я немало прочитал про историю России и про её более поздний этап, СССР, – речь Поля стала более живой

и решительной, — я понял, что цари наследовали престол по крови, и не о какой демократии не могло быть и речи. Но позже, после революции, у них появился парламент, появилась республика — и как люди могли выбрать такого вождя, который их же и расстреливал? За триста лет тирании Романовых казнили триста человек, а в демократическом СССР казнили по триста человек в день, как так? И почему при этом многие писали, что Сталин был прав? Что — в СССР со всего мира съехались террористы?..

— Дружок, — мать дружески улыбнулась сыну, — я рада, что ты взрослеешь. Только не горячись и старайся оставаться всегда объективным. Я надеюсь, ты историю собственной страны не забыл? Вспомни революционеров Марата, Робеспьера, Дантона или революцию 1848 года. Только в том году в Париже повесили десять тысяч человек! Я не оправдываю Сталина, но и судить не смею. Это дело истории. Знаешь, когда к власти приходят президенты, они дают клятву верности своей стране и своему народу. Если президент не забывает эту клятву, если он даже решает выступить союзником одной из воюющих сторон, и в результате народ начинает лучше жить, то это национальный герой и лидер. Но, если им руководят только личные амбиции и в результате его каких-то конкретных шагов жизнь народа ухудшилась, то он или идиот, или преступник. Это мое понимание вопроса. — Катрин посмотрела на маленькие часы на руке и засобира-лась.

– Извини, Поль, мне пора. Мои десять минут кончились полчаса назад. А для тебя, мой родной историк, я приготовила одно потрясающее издание. Вынести не могу разрешить – оно на комиссии, но почитать – всегда пожалуйста... – *L'addition s'il vous plait*, – обратилась она к официанту.

– За мать заплатишь? – она поцеловала сына в щеку и исчезла, оставив за собой тончайший, почти неуловимый аромат духов...

Февраль 1984, Москва, Лубянка

Лучи яркого февральского солнца заставляли прищуривать глаза и добавляли болевых ощущений разыгравшейся мигрени.

«Тук-тук-тук» – не останавливаясь, стучали молотки по наковальне в районе висков. В рот полетела таблетка «пятачки», но генерал знал, что это не поможет. Надо было просто перетерпеть адскую боль. На столе зазуммерил телефон, и многократно усиленная вибрация отозвалась в затылке. «Да, жду», – коротко бросил он в трубку и чрезмерно аккуратно положил её на рычаги, опасаясь внеочередной вспышки боли. В кабинет вошел лейтенант и подошел к столу:

– Шифровка по каналу ЗАС из Лисецка, получена сегодня десять минут назад. Вы приказали докладывать немедленно, – отрапортовал он и положил безликую папку на стол, – Разрешите идти?

Генерал молча кивнул и, не дожидаясь, пока сотрудник отдела связи покинет кабинет, открыл папку и пробежал глазами короткий текст:

«Секретно. Генерал-майору Лебедеву. Группа прибыла в установленный срок. Документы прикрытия подтвердили в районных отделах УВД. Базируемся в в/ч №... при особом отделе. Приступили к установке объекта и определению кру-

га его контактов. Одновременно приступили к отработке интересующего вас адреса. Капитан Прудников. в/ч №... г. Ли-сецк».

Генерал захлопнул папку и посмотрел на вздувшиеся вены на кистях рук. Мда... не припоминал он на своей памяти, чтобы анонимкам давали такой ход. Почти месяц назад в приемную Председателя поступило письмо, мало чем отличающееся от других писем без обратного адреса и фамилии отправителя, но там были указаны такие факты, что машина безопасности, скрипя шестеренками, завелась и начала очередную охоту. Лебедев прекрасно помнил содержание того письма: «...Сообщаю вам, что подполковник Нелюбин К.Ф., пользуясь бесконтрольностью и используя служебное положение, организовал в нашем городе нелегальное производство меховых изделий, в частности, пошив меховых шапок, пошив и продажу которых осуществляют лица кавказской национальности, ведёт аморальный образ жизни, т.е. своими действиями порочит высокое звание сотрудника КГБ СССР. Прошу проверить данные факты. Свою фамилию указать не могу из соображений личной безопасности, поскольку проживаю в этом же городе...» Обычно такие письма уничтожались, но в этом содержалась маленькая приписочка, которая и решила всё по-другому. В левом верхнем углу было отчетливо написано: «Копия в ЦК КПСС». Ушла ли копия по указанному адресу или нет, никто сказать точно не мог, но умные головы решили подстраховаться и проверить сигнал.

Лебедева вызвали к вышестоящему руководству и приказали в короткие сроки найти подтверждение или опровержение фактов, указанных в анонимном сообщении. Однако указали на то, что поскольку проверке подлежат действия высокопоставленного офицера, необходимо провести все мероприятия крайне деликатно, чтобы избежать его компрометации. Также намекнули, что за операцию отвечает лично он, Лебедев, и что в случае подтверждения информации может быть поставлен вопрос о качестве подбора кадров в системе в целом. С одной стороны, возможно, это был очередной параноик, которому шпионы мерещатся за каждым углом, хотя и стиль и содержание письма указывали на спокойный и уверенный характер автора. Оно было исполнено ровным почерком, с наклоном в левую сторону (разведчик хренов, всё равно найдем при желании), без угроз, истерики, требований. С другой стороны, всё верно: если всё подтвердится – позора не оберешься. И главное, он, Лебедев, в конечном итоге может оказаться крайним.

Генерал, недолго думая, вызвал к себе в тот день начальника отделения специальных операций при управлении кадров капитана Прудникова и кратко изложил суть дела. Прудникова он знал давно и полностью ему доверял. Капитан был не по возрасту умен, интересовался исключительно своей работой, не задавал лишних вопросов и не провалил ни одного задания. Получив четкие инструкции и задав несколько уточняющих вопросов, он молча кивнул и покинул кабинет.

«Только бы факты не подтвердились» – голова заболела с удвоенной яростью...

Февраль 1984. 20 км южнее Лисецка, в/ч №... 10 минут спустя

В Ленинской комнате, завешенной от пола до потолка различными инструкциями, приказами, выписками из уставов, клятвами родине, ЦК партии и народу, Прудников, коренастый мужчина, тридцати с небольшим лет, но к этому времени уже контрразведчик со стажем, раздавал документы прикрытия своим подчиненным. Грубые черты лица, словно высеченные киркой в скальной породе, мало что выражали. Это не значило, что он ничего не чувствовал или был начисто лишен переживаний. Просто за время, проведенное в органах госбезопасности, он отлично знал, как управлять людьми, и всю команду держал на расстоянии вытянутой руки: чуть ближе – потеряешь управление, чуть дальше – потеряешь человека. А что касается эмоций, то они были просто помехой в его работе.

– Ознакомьтесь. С райотделами я все согласовал. Петь, ты молодой стажер – участковый, закреплен сразу за двумя районами, – обратился он к блондину с короткой стрижкой. – Если столкнешься с реальным участковым, сначала изучи его документы, потом предъявишь свои, в зависимости из какого района тот окажется, поэтому у тебя две ксивы. Твоя задача – установить личности в указанном адресе. Дальше,

Леший, ты теперь опер из МУРа, в командировке по цеховикам. Твоя задача – потряхнуть все близлежащие зверосовхозы и пощупать коллег на эту же тему. – Леший, ничем не примечательный субъект сорока лет, с шеей борца, молча кивнул.

– Так, теперь братья, – он обратился к оставшимся двум членам группы, – на вас клиент, связь, материальное обеспечение и силовая поддержка, если понадобится, – молодые люди с одинаковыми глазами так же синхронно кивнули. – Так, сколько у нас государственных номеров? – обратился он к одному из них.

– Цивильные московские и пара лисецкой войсковой части. Я с особистом уже договорился. Бланки свидетельств под них имеются, – немедленно прозвучало в ответ.

– Ясно, резюмируем. – Прудников внимательно обвел всю группу взглядом и успел заглянуть в глаза каждого из них. Потом не спеша вытянул из кейса фотографию и продемонстрировал её своим подчиненным. – Запоминайте – это наш нынешний объект. Задача – установление полного круга общения, наличие связей с криминалом, установление, поминутно, распорядка дня, отработка близкого круга родственников, друзей. Его, в том числе, заодно проверяем на аморалку. Крайне важно не засветиться, поэтому работаем без взаимодействия с местными коллегами. Особиста также используем втемную. Специальные технические мероприятия проводить невозможно. Поэтому ваши главные спецсредства – это глаза и уши, ну и мозги с ногами в придачу. Отчет еже-

дневный. Вопросы?

– Володь, – обратился к нему Леший, – мы надолго здесь?

– Станный для тебя вопрос, Лёша. Раньше сядем – раньше выйдем. Всё от нас зависит. Пока не выявим что-либо или пока не будем убеждены в обратном на сто процентов, мы не уедем. Месяц, полгода – не знаю. Ладно, если все понятно, распаковываем гардероб и на боковую. Завтра с утра стартуем...

Февраль 1984, г. Лисецк

Лёшка стоял перед зеркалом и изучал слегка отекавшее после сна лицо – брить или не брить? Вот в чем вопрос... А что может быть главнее в двадцать лет? Проблема состояла в том, что его подбородок год назад уже познакомился с безопасными лезвиями «Спутник» и «Нева». Последние, правда, получили в народе название «НЕВАжные». Может, поэтому, вместо желанной густой шкиперской бороды, под носом и чуть ниже щек росли редкие клочки мягких волос, которые в принципе можно было и не трогать, есть они или нет их, окружающие не заметят, как не замечают амёбу или инфузорию-туфельку без многократного увеличения под микроскопом. Именно в этом «незамечании» и была трагедия молодого еще человека. Он прекрасно помнил школьного друга Марка, которому начал завидовать еще в школе, в начале восьмого класса. Марк по фамилии Трахтенберг был коренаст, невысок, почти на голову ниже Лёшки. После летних каникул, первого сентября явился на школьную линейку с невообразимо роскошной бородой. Борода убила всех его одноклассников, Лёшка был в их числе. А Марк летал в районе седьмого – восьмого неба. Правда, недолго. Полет был оборван завучем Ниной Сергеевной. Точнее, всё началось с истеричной мамыши, которая левой рукой держала сына – первоклашку, а правой тыкала в сторону вальяжно-расслаб-

ленного Марка, не замечавшего ничьих взглядов, и нервно восклицала: «Смотрите, бородатый пионер!». Непонятно, что её так возбудило – курчавая окладистая темная борода, или такого же цвета волосы, выглядывающие сквозь натянутую рубашку чуть ниже красного галстука, но дело было сделано – крики самки павиана привлекли внимания завуча, и та решительно задержала Марка после линейки:

– Это надо немедленно сбрить. – она сделала круговое движение рукой вокруг лица.

– Нина Сергеевна, ну почему? – взмолился Марк. – Это же естественно. На голове же тоже волосы растут. И никто их не бреет.

Но Нина Сергеевна была непреклонна и, пропустив справедливое замечание школьника мимо ушей, выдала на гора сентенцию приблизительно следующего содержания:

– Пионер и борода несовместимы.

Марк не сдавался:

– Нина Сергеевна, но нигде не написано, что пионеры должны брить бороду...

Однако та, недолго думая, вытащила главный козырь из колоды крапленых карт:

– Мне твоему отцу на работу позвонить?

Марк насупился:

– Нет, не надо, – но еврейское счастье видно не давало ему успокоиться, и он спросил, – а что, мне только бороду сбрить?

Нина Сергеевна удивилась:

– Ну да, а что еще?

Марк расстегнул верхние пуговицы на груди, и кусок алой материи растворился в зарослях золотистых, чуть выгоревших на солнце волос... Вопль завуча слышала вся школа. Отца Марка все-таки пригласили для воспитательной беседы, тот свою очередь провел ее с сыном. На следующий день, когда Марк приплелся в школу, все почувствовали – его побрили не только сверху, но и снизу...

Лёшка яростно намыливал щеки помазком и думал о том, что за такую бородку, как у Марка, не жалко было отдать лет десять никчемной жизни. Сам процесс бритья не занял больше минуты. Станком вверх, станком вниз, станком поперек. Можно было бы побриться и с завязанными глазами. Лёшка в принципе был доволен всем, что он получил от природы в подарок. Рост под метр девяносто, худощавость, густые темно-русые волосы в сочетании с приятной улыбкой и цепким взглядом серых глаз составляли суть его обаяния. Расстраивало только отсутствие бороды. «Ну ладно, – подумалось ему, – зато времени сколько экономлю». Самое приятное, что можно было получить от раннего утра в подарок, – чашка кофе и сигарета «OPAL» после завтрака. Расправившись с омлетом, он достал с кухонной полки приземистую круглую банку коричневого цвета с надписью «стопроцентный индийский натуральный кофе», открыл ее – и вся небольшая кухня наполнилась волнующим и прекрасным замор-

ским ароматом. Помедитировав с чашкой и сигаретой минут десять у окна, он порадовался приходу ранней весны вместе с мальчишками, весело шлепавшими по лужам в ближайшую школу, резво натянул на себя джинсы, отцовский свитер, куртку, не забыл про спортивную сумку с конспектами и рысцой рванул к автобусной остановке. Радости утра на этом закончились. Теперь главное не опоздать на лекции в университет.

Алексей Самойлов родился почти двадцать лет назад в соседнем городе Каменске, где проживало чуть больше четырехсот тысяч человек, если не ввали циффы последней переписи населения, в семье геологов. Романтичная такая профессия была. Минус был один, но существенный. За последние пять лет с родителями удавалось видаться пару раз в году. Так что свое воспитание он получал от них в основном в письмах и открытках. А по последним он даже получал образование в части географии – вся западная и восточная Сибирь в картинках. Реальным образованием и воспитанием Лёшки занималась его бабушка, Полина Сергеевна, которая после отъезда родителей в командировку оставила свою квартиру в Лисецке и немедленно перебралась к внуку в Каменск. В результате Лешка регулярно был накормлен, обшит и отутюжен. Бабушка была единственным человеком в Лёшкиной жизни, которая всегда была счастлива видеть своего внука. Всю свою воспитательную работу она построила без единого окрика и тем более оскорбления. Если внук

делал что-то не так, она так укоризненно смотрела на него, что Лёшке этого хватало надолго, если не сказать навсегда.

Школьные годы пролетели незаметно. Еще вчера он пошел в первый класс, а сегодня был разбужен долгожданным прощальным школьным звонком. Наступило время принять первое самостоятельное решение – кем быть. Впрочем, всё и так уже было решено. Преодолев десятилетний рубеж прожитых лет, Лёшка раз и навсегда на вопрос: «Кем станешь, когда вырастешь?» отказался отвечать стандартно, как отвечали все его сверстники – «космонавтом, летчиком, моряком» по причине хронического гайморита, который его преследовал в межсезонье. И детский участковый врач, вдобавок, просто зазомбироваала: да, не быть тебе моряком... Геологом, как родители, ему тоже решительно не хотелось быть. Все-таки, хоть иногда, надо жить в своем доме. Поскольку Лёшке учеба давалась крайне легко, бабушка настаивала, чтобы внук стал врачом, но Алексей отмёл и эту идею. Он не представлял себе, как можно весь день смотреть в рот, нос или копать в чужих ушах. Резать скальпелем живых людей он бы тоже не смог, даже во имя их спасения. Явно выраженных талантов не было, за исключением одного, хотя, честно говоря, это вряд ли можно было назвать талантом. Он ясно видел и понимал причинно-следственные связи окружающего его мира. Лёшка заранее знал, что от него хотели одноклассники, учителя, соседи и просто друзья. Секреты для него перестали существовать. Если надо было решить

какую-либо проблему, он умел на мгновение отключать мозг от внешних раздражителей, забыть про всё на свете и сконцентрироваться на двух предметах или явлениях, которые надо было связать. Он тогда еще не понимал, что существует анализ, оценка событий, прогноз и аналитика. Он просто анализировал, оценивал и прогнозировал не хуже дипломированных специалистов, а может, даже и лучше.

Еще мальчишкой он приблизительно знал, что и кому писала во время переменки на листке бумаги одноклассница Люська, прикрывая его ладошкой. Здесь не надо было быть семи пядей во лбу, достаточно было заметить её пару взглядов, брошенных на Ваську Свиридова, стоящего у открытого окна, а так же обратить внимание на то, как девчонка посмеивается при написании записки. Всё ясно: Васька – отличник, такие нравятся девчонкам. Это раз. Люська решила обратить на себя его внимание. Это два. Написать признание в любви она не решится, значит, текст будет приблизительно таким: «одна девочка ждет тебя во дворе после уроков, приходи один». Это три. Судя по тому, что она посмеивается, значит, сама она не придет, а понаблюдает со стороны. Это четыре. Записку передаст через подругу по парте – «только лично в руки и не говори от кого». Это пять. Но главное, отличникам безразличны их одноклассницы – есть дела поважнее – значит, Васька прочитает записку и выбросит её в окно. Это шесть. Иногда Лёшка проверял свои догадки, и когда Люська только начинала что-то шептать в ухо своей

подруге, он выходил во двор и подходил к окну, где стоял Васька. Потом поднимал и расправлял вылетевший из окна комок бумаги: «таинственная незнакомка будет ждать тебя в столовой после уроков», поднимался в класс, подходил к Люське и тихо говорил: «вряд ли он придет». Призом был паралич, на полминуты поразивший девочку, которая не давала потом прохода ему весь день: «Кто сказал?» и «От кого узнал?».

Бабушка тоже обращалась к нему со всякими незначимыми вопросами, не предполагая истинные размеры потенциала собственного внука:

– Лёш, ключи от почтового ящика не видел? – Это значит в прихожей, на обычном месте их не было.

– В правом кармане твоего пальто, ба, – с небольшой задержкой приходил ответ. Время ушло на то, чтобы оторваться от детектива и просчитать несложную схему. Почту вынимает только бабушка, значит ключи у нее. Это раз. Последний раз она вынимала почту вчера. Это два. Бабушка всегда обычно внимательная, и у нее все разложено по своим местам. Это три. Но вчера пришло очередное письмо от родителей, которое она поторопилась открыть прямо на лестничной клетке, значит, поволновалась. Это четыре. И последнее, которое по счету пять, почтовый ящик она открыла, возвращаясь из булочной, значит, была в пальто. Да, была и шестая мысль, пролетевшая в долю микросекунды насчет левого или правого кармана, но если бы бабушка открыла ящик с

пустыми руками, то были бы варианты, но авоська с хлебом в левой руке не оставила альтернативы.

– Вот они, потеряшки, – радостно донеслось через минуту из коридора. – Глазастый ты у меня, – добавила бабушка, предполагая, что тот обратил внимание, когда она прятала ключи в карман. А внук продолжал читать детектив, уже забыв про этот случай. Интерес представляла загадка и сам поиск решения, а всё, что уже было решено, быстро падало в мусорную корзину.

Но иногда эти способности доставляли немало неприятностей. Лешка вспоминал иногда случай, произошедший с его соседом, Виктором Маслюковым по кличке Мосол. Виктор был старше Лёшки на шесть лет. Для него он был добрым парнем с непростой судьбой, успевшим к своим девятнадцати годам получить судимость за драку и из трех лет два года отбыть на «малолетке». Он держал голубятню на крыше и всегда был рад, если Лёшка составлял ему компанию. Мослом его, очевидно, прозвали не по фамилии, а за фигуру. Необычайно худой, но необыкновенно жилистый и резкий, с коротким ежиком черных волос и презрительным прищуром темных глаз, скользкий в словах – за язык не поймать, он действительно походил на обглоданную кость для собак. Поскольку мяса на ней нет, то она никому не нужна. Его лоб и висок пересекал длинный неровный шрам, полученный в заведении для малолетних преступников. Все соседские пацаны обходили его стороной. Здесь, видно, не об-

ходило без родителей, которые в свою очередь переживали за будущие анкеты своих детей. Но и Витька их тоже не жаловал. Только с Лёшкой всё как-то было по-другому. Возможно, из-за Полины Сергеевны, которая искренне жалела Мосла, рано оставшегося без матери, да и без отца, по сути, – тот редко был резвым. Она могла Виктора накормить обедом, могла отчитать его за проделки. Мосол почему-то всё сносил покорно и безропотно: «Тётъ Поль... ну ладно вам, тётъ Поль... ». Но если бабушка себя плохо чувствовала, а внук был в школе, Мосол откладывал все дела, какими бы срочными они ни были, и всегда бегал за хлебом, молоком или в аптеку. С Лёшкой Виктор общался на равных, но никогда не спорил и никогда не рассказывал о жизни в колонии, как бы Лешка ни просил. «Там тебе было бы неинтересно», – отшучивался он.

С трудоустройством у Мосла была просто беда. Кому был нужен человек с несоветской биографией? Жил случайными заработками – подрабатывал на стройке ночным сторожем, занимался мелким ремонтом бытовой техники и, конечно, продавал голубей. На существование вполне хватало, на жизнь – совсем нет.

Однажды Лёшка, которому на тот момент было тринадцать лет, возвращался от своего одноклассника и, проходя мимо строящегося дома, случайно в сумерках угодил правой ногой в лужу растекшейся смолы. Потерял минут двадцать на то, чтобы очистить кеды, и чертыхаясь продолжил путь

домой.

У его подъезда стоял милицейский «Москвич» с типичным канареечным цветом кузова. Лёшка открыл скрипучую дверь, отметил на себе внимательный взгляд водителя и стал подниматься наверх. На лестничной площадке третьего этажа, где он проживал, оказалось довольно оживленно. Двери двух квартир, его и Мосла, были распахнуты, а в квартире у Виктора еще куча народа – два милиционера в форме, незнакомый человек в штатском, бабушка, сам Мосол и еще отец Виктора, точнее сказать, храп отца Виктора, доносившийся из соседней комнаты. Как выяснилось, юная жена заместителя прокурора города возвращалась вечером домой от известной портнихи, обшивающей весь бомонд города, у которой она заказала новое вечернее платье. Неожиданно от стены дома, мимо которого она проходила, отделилась тень, подлетела к ней, сорвала золотую цепочку с нежной шейки и бесшумно исчезла, если не считать звуком шарканье старыми тапками. Проходивший мимо милицейский патруль мгновенно оценил ситуацию, услышав фамилию потерпевшей, и практически настиг злоумышленника у подъезда дома, где проживал Лёшка. Однако, негодяй успел шмыгнуть в подъезд, и скрутить его удалось уже только на пороге квартиры. Таким образом, первые гости кучей малой ввалились в квартиру. Потом мгновенно отреагировал и минут через десять прибыл дежурный следователь районной прокуратуры. Еще минут через пять пригласили Полину Сергеевну в ка-

честве понятой, и в этот момент в дверном проеме появился Лёшка. Мосол молча сидел в наручниках на кухне возле крохотного стола, рядом с ним стоял человек в штатском, а в штатского упирался плечом розовощекий сержант милиции. В узком коридоре находилась бабушка, и рядом с ней вход контролировал второй блюститель порядка. На мгновение зависла тишина. В глазах штатского читался вопрос – «ты кто?». Мосол безучастно мазнул взглядом по Лёшкиному лицу, милицейские напряглись – «так, соучастник явился», бабушка расстроенно глянула на внука: «вот вечно ты не вовремя», даже отец Мосла храпеть перестал, затих на секунду. Однако тут же немая сцена начала движение: под аккомпанемент мощного храпа милиционеры развернули плечи, штатский спросил – «Ты кто?», бабушка одновременно ответила: «Это мой внук», и все как-то сразу потеряли интерес к Лёшкиной персоне. Штатский повернулся к Мослу:

– Повторяю, верни цепочку, получишь свой «пятерик» и расстанемся по-доброму.

– Не я это был, гражданин начальник, попутали, – не поднимая головы, пробубнил Виктор.

– А почему убежал тогда? – следователь ухмыльнулся. – Да и по показаниям патруля, там в районе ста метров вообще никого не было. Отдай по-хорошему, иначе вверх дном всё перевернем.

– Ищите, если надо. Не я это был, – упорно, как мантру, повторил Мосол и при этом как-то странно жалобно взгля-

нул на Полину Сергеевну. Одновременно под столом он шевельнул пальцами правой ноги, задник тапки съехал вниз, и на пол выползло что-то блестящее. Бабушка стояла как изваяние, наверное, ничего не заметила. Зато Лёшка мгновенно всё увидел и понял. С одной стороны, на весах было явное преступление, с другой стороны, был Мосол, неплохой человек, просто загнанный в угол сложившейся жизнью. Сомнений не осталось. Решение тоже пришло мгновенно. Как-то раз Мосол, испытывая смекалку Лёшки, смачно плюнул на асфальт и предложил – подними, если умный. Лёшка знал этот фокус, однако пожал плечами, предоставив другу проявить свои умения, и усмехнулся, когда тот, повернувшись к нему спиной, шаркнул ногой по плевку и согнул ногу в колене, как лошадь, с победным видом предъявляя мокрую подошву. Сегодня придется повторить этот трюк.

В комнате неожиданно прекратился храп и скрипнула кровать. «Пора», – подумал Лёха и сделал шаг на кухню.

– Извините, а воды можно выпить? – обратился он к следователю.

– Можно, быстро пей и дуй отсюда, здесь не должно быть посторонних, – следователь повернулся к сержанту: – Федотов, ну что там со вторым понятым?

– Щас штаны наденет и поднимется, он спал после смены, – раздался ответ.

Лёшка подошел к раковине, которая вплотную примыкала к столу, взял кружку, налил воды и незаметно для всех

наступил правой ногой на ногу Мосла. Тот слегка вздрогнул, но не шевельнулся. Лёха скользнул кедом по ноге и наступил на цепочку. В этот момент скрипнула дверь спальни и на кухню с мутным взором ввалился Маслюков-старший. Жуткий перегар мог убить не только мух и тараканов, но и отравить всех людей в маленьком помещении:

– Чёт не понял, кто тут? – задал он вопрос зеленой стене.

– Федотов, убрать... это... в комнату, немедленно, – следователь брезгливо поморщился.

– Чё ... я слесарь ... имею право ... я ща сам тебя уберу в комнату, – не соглашался основатель династии. Он ткнул пальцем в холодильник «ЗИЛ», – Там ... пол-чекушки дай ... уйду.

Федотов уже кинулся было скрутить дерзкого слесаря, но следователь вовремя понял, что обыск может затянуться надолго, поэтому он жестом остановил сержанта и открыл временами стонущий, временами грохочущий, временами подпрыгивающий на месте холодильник. Долго искать не пришлось. На средней полке, в гордом одиночестве, стояла «чекушка», рядом с которой лежал не первой свежести когда-то синий носок. Может, Маслюков пил из горла, одновременно снимая носки, может, его музыкальные пальцы не выносили холода и он перед употреблением заворачивал водку в носок, может, он им занюхивал – никто спрашивать не стал, да если бы и спросили, слесарь и под пытками не смог бы раскрыть этот секрет. Следователь немного напрягся – вместо

ожидаемой «пол-чекушки» там находилось «на дне чекушки», – но скандал не случился – Маслюков получил то, что хотел, повернулся и по стене, как по снежной горке, укатился в комнату.

Пока происходила сцена спаивания несчастного слесаря следователем прокуратуры, Лёшка времени не терял, громко глотал воду из кружки и при этом, стараясь не делать лишних движений, подошвой кеда с прилипшей к нему смолой вытягивал цепочку из тапка Мосла. Он не видел результата действий своих ног, и когда следователь ему устало сказал: «Ну что, попил – марш домой», Лёшка кивнул и спокойно пошел на выход, стараясь не думать о том, что может случиться. Но всё обошлось. На выходе он столкнулся с дядей Володей, соседом снизу, и услышал, как кто-то сказал: «Ну что, все в сборе – начнем».

Бабушка вернулась часа через два, Лёшка еще читал учебник. Когда она молча протянула ему руку ладонью вверх, Лёшка посмотрел на нее и так же молча вынул из кармана и отдал ей золотую цепочку. Парень готов был поклясться, что никто не мог этого видеть... Полина Сергеевна пошла в туалет, и внук услышал характерный звук бачка и шум смываемой воды.

Еще через час в дверь постучали. Бабушка, проходя мимо комнаты и прикрыв дверь, властно сказала: «Я сама откроею». Это был Мосол. Лёшка услышал разговор из-за не полностью закрытой двери:

– Теть Польш, Лёшка не спит еще? Я на секунду.

– Что хотел, племянничек?

– Да так, ерунда, забрать кое-что хотел...

– А... понятно... Скажу один раз – больше к нам не ходи.

Мне тебя жаль, а внука жальче.

– Но, тётъ Польш...

– И ещё, своё «кое-что» в канализации поищи. Может, оно там недалеко уплыло. Если искать одному тяжело, могу оперов позвать. Они завсегда помогут...

Дверь закрылась...

Мог ли в тот вечер Лешка подумать, что это маленькое происшествие, однажды, спасёт ему жизнь...

Однако, умение анализировать и логически мыслить Лёшку большей частью выручало. С годами умение росло и превратилось в то, что люди часто называют интуицией. Парень часто слышал: «Слушай, у тебя интуиция, как у волка». Но Лёшка отдавал себе отчёт, что нет никакой интуиции. Мистику придумали мистификаторы. Есть конкретные события и есть конкретные люди. И есть ещё определенный алгоритм поведения человека в определенных условиях. Если взять две цифры, например 2 и 1, то с ними можно произвести несколько основных математических действий – сложить, разделить, вычесть и умножить. Если взять двух людей, один из которых ленив, а второй любопытен, и предложить им произвести с цифрами действия, то вероятнее всего у первого будет четыре результата, а у второго шесть. Кто–

то скажет мистика, но знающий покачает головой и ответит: «Нет, прогноз».

Некоторые тоже пользуются примитивно прогнозом. Не стоит спорить с пьяным человеком и не стоит гулять с девушкой по тёмным незнакомым подворотням – результат может оказаться негативным в обоих случаях, так называемый опыт на своих и на чужих ошибках. А Лёшка пошел чуть дальше. Он научился без труда запоминать всё, что происходило с ним, с окружающим его миром, всё, что он когда-либо прочитал, услышал, узнал и в результате научился моделировать. Он двигал воображаемыми людьми и событиями, как кубиками, и пытался определить итог этих перемещений. Поэтому он без труда, кинув только мимолетный взгляд, знал, с какой девушкой можно легко познакомиться на дискотеке или кто без скандала пропустит его в начало очереди.

Лёшка никогда не бравировал своим умением. Он относился к этому философски, разные люди обладают разными талантами. Кто-то, например, может починить утюг – вот где настоящее колдовство и магия...

Было еще одно. Лёшка обожал книги, вернее, он жил в них. Его мало интересовали научные изыскания и конкретные знания в чистом виде. Он пытался понять смысл жизни, основы мироздания и, конечно же, постигнуть суть человеческой психологии. Читая то или иное произведение, он не просто бегал по строчкам глазами. Он погружался на самое

дно и медленно всплывал, переживая с героями новые чувства, проживая с ними новые жизни и события. Вся литература была им очень своеобразно классифицирована. Завтракал вместе с Чеховым или О'Генри, получая заряд бодрости на весь день. В качестве образования выбирал Толстого или Тургенева, сложновато немного, но что-то подсказывало необходимость их изучения. Для души – Теккерея, Стендаля и Гоголя, а перед сном, однозначно, Диккенса. Любое возбуждение дня угасало в сырых нетопленных домах Лондона. В любое время дня и ночи – самиздат Набокова и Булгакова – с ними можно было бесконечно долго жить и не страшно было умереть.

Однако у любой медали существует не только аверс, но и реверс. Благодаря своим знаниям и умениям, Леша Самойлов стал одинок еще в подростковом возрасте. В один прекрасный день он осознал, что ему до чертиков наскучили мальчишеские басни про их неземную силу, угнанные мопеды и бесконечные победы у записных красавиц школы. Общепринятых развлечений – сходить подраться район на район или распить бутылочку «Агдама» в полутемном подъезде панельной девятиэтажки – он избегал по причине того, что это отнимало время от главного – успеть прочитать непрочитанное. Когда же Лёшка пытался решить проблему отчуждения иначе, посвящая ровесников в перипетии судебных дрюоновских французских королей или драйзеровских стойков, парни странно на него поглядывали, перебрасывались мно-

гозначительными осуждающими взглядами и незаметно крутили указательными пальцами в области виска.

С девчонками всё обстояло не намного лучше. Лёшка легко завязывал с ними отношения, влекомый чувством юношеской влюбленности, однако и здесь идеализм, привитый мировой литературой, играл с ним одну и ту же злую шутку. Красивые девушки манили его и овладевали его вниманием, но каждый раз романтический флёр влюбленности слетал, как только короткие диалоги превращались в бесконечные монологи и общение как таковое исчезало, не успев родиться. Самойлов понимал, что девчонкам с ним интересно, но это слабо решало проблему сложившегося вокруг него вакуума.

Выход из этого положения нашелся сам собой. Как-то раз Лёшка заскочил в гости к Стасу Самуиловичу, другу своего отца, который проживал в соседнем доме. Ведущий инженер одного из каменных НИИ был всегда оживлен и прост в общении. В свои сорок лет он немного стеснялся своего отчества и просил, чтобы его называли только по имени. С Лёшкой они сошлись на почве интереса к музыке, часто обменивались магнитофонными записями популярных исполнителей и обсуждали события, время от времени происходившие на музыкальном олимпе. В тот вечер в гостях у Стаса находился его сосед, преподаватель истории одного из местных вузов, Семен Андреевич, зрелый человек с постоянно взлохмаченной шевелюрой и очень радикальными взглядами на

историческую науку, которые он, однако, излагал только на кухне в кругу друзей. Соседи сидели в гостиной, пили чай и вполголоса о чем-то разговаривали. Рядом с историком на журнальном столике стояла одинокая рюмка недопитого коньяка. Они поздоровались с Самойловым и тут же забыли о нем. Все давно уже привыкли к пареньку, который не лез в чужие разговоры, а незаметно сидел в кресле с наушниками на голове и слушал новые записи или новых исполнителей. Сегодня же в воздухе витало явно минорное настроение и Лешка не спешил включать магнитофон. Семен Андреевич был сильно чем-то расстроен, а Стас крутил в руках черно-белую фотографию и выглядел не менее озадаченным.

Из разговора Лешка понял, что речь шла о некой Светлане, аспирантке с кафедры Семена Андреевича, безупречной и безумно красивой девушке, в которую был безнадежно влюблен сосед-историк. Оказывается, он целый год оказывал ей знаки внимания: иногда, по праздникам, дарил цветы, иногда они прогуливались вместе в центральном парке, вчера даже сходили в драматический театр на «Ромео и Джульетту». Но дальше этого дело не продвигалось. Семен Андреевич был холост и отчаянно пытался связать себя узами Гименея, пока не перешагнул на пятый десяток, аспирантка же лишь отшучивалась и мгновенно меняла тему разговора, как только речь заходила о глубоко личном. Вот и вчера, после спектакля, глядя в молящие глаза историка, она клятвен-

но обещала ему позвонить, но телефон угрюмо молчал почти уже сутки. Сам же Семен Андреевич ей позвонить не решился, потому что робел перед строгим голосом её матери, которая всегда поднимала телефонную трубку первой. Светлана неоднократно с лукавым смехом рассказывала Семену Андреевичу о том, что мама хочет сменить домашний номер из-за телефонных хулиганов, которые звонят и, молча, сопят в микрофон телефона.

– Даже не знаю, что сказать, – Стас положил фотографию на край журнального столика и растерянно развел руки в разные стороны, – у нас с Наташкой всё как-то сразу получилось: свадьба, потом дети... А другого опыта у меня не было, Сень, так что извиняй. Даже не знаю, чем помочь.

– Да мне никто здесь помочь не сможет, Стас, я все понимаю... – рюмка коньяка резко запрокинула назад голову историка. Он вытянул ноги и хмуро стал изучать рисунок на ковре.

Лёшка приблизился к друзьям и протянул руку к фотографии:

– Позволите?

Историк безразлично пожал плечами, а Стас, в знак согласия, молча указал на нее рукой. На любительской черно-белой фотке веселилась шумная компания. На переднем плане выделялась симпатичная молодая брюнетка, танцующая что-то явно зажигательное. Даже сквозь черный и белый цвет фотографии пробивалась игривая синева светлых глаз,

резко контрастирующая с темным цветом волос. Стройная фигурка танцующей девушки на том же контрасте выгодно подчеркивала её высокую грудь. Стоявшие полукругом несколько человек одобрительно хлопали в ладоши. Немного сбоку на диване расположился наш историк, которого можно было опознать только по шапке взъерошенных волос, и в другом углу того же дивана сидела молодая женщина, миловидная блондинка в строгом брючном костюме с гладкой прической, закрученной сзади в тугий узел. Было заметно, как она с легкой ироничной улыбкой на губах наблюдала за танцующими, тогда как Семен Андреевич выглядел явно мрачно-насупленным и не отрывал взгляда от соблазнительной брюнетки. «Диагноз ясен» – Самойлов кинул последний взгляд на эту грудь и талию. Вслух же сказал следующее:

– Понятно.

– Что именно понятно молодому поколению? – смеясь, удивился Стас и потянулся за чашкой с чаем.

– Я возбудился, – просто ответил Лёшка.

В небольшой комнате стало слышно, как секундная стрелка часов мерно чеканит свой шаг. Семен Андреевич грозно сдвинул брови и уже формулировал гневную тираду для наглого и разнузданного недоросля, но его опередил Стас, дипломатичность которого очевидно передалась по наследству от предков из далекого Иерусалима:

– В шестнадцатилетнем возрасте я тоже был легкораним и не менее легковозбудим... – сказал он с объяснительными

интонациями и заразительно засмеялся, едва не расплескав чай на ковер.

Лёшка же присел на корточки напротив Семена Андреевича «Грозного» и протянул ему фотографию:

– Извините, но я так и не понял – Вы хотите благополучно жениться или найти для себя возбуждающую вас девушку?

Историк поперхнулся от негодования, равно как и Стас, который в прямом смысле закашлялся от попавшего в не то горло чая:

– ... он хочет... он ... он хочет возбуждающую жену... но это невозможно! – плотное тело Стаса сползло с кресла и билось в конвульсиях так, что потеряло тапок с правой ноги.

Историк возмущенно вскочил с кресла и решительно собирался покинуть квартиру, в которой обитали наглецы и насмешники, но Лёшка остановил его примирительным жестом:

– Семен Андреевич, вы же умный человек и должны были сразу понять, что ваша избранница не собирается замуж... ну, по крайней мере, сейчас.

Историк застыл в коридоре и обернулся к Самойлову:

– И с чего такие умозаключения?

– Посмотрите сами. – Лёшка еще раз ткнул пальцем в фотографию. – Она молода, привлекательна, ею все восхищаются. Она не хочет всего этого терять. Ей всё это очень нравится. У нее куча поклонников, и Светлана чувствует себя среди них, как рыба в воде. А что вы ей предлагаете взамен?

Кастрюли, пеленки и воскресные дни в кругу семьи? Как бы вы сами отнеслись к предложению с завтрашнего дня преподавать вместо истории физкультуру?

Семен Андреевич остановился, осмысливая услышанное, и растерянно оглянулся на Стаса. Тот в свою очередь, прекратил ржать, сел обратно на кресло и задумчиво выпятил нижнюю губу. Историк посмотрел снизу вверх на юного переростка и тихо спросил:

– И что прикажешь мне делать?

Лёшка прислонился к стене и ответил с совершенно взрослой улыбкой:

– Вариантов несколько. Первый – он разогнул большой палец – дожждаться, пока ваша пассия повзрослеет, и только тогда сделать ей еще одно предложение. Правда, есть предчувствие, что это будет не скоро. Возможно даже, вы станете брачующимся пенсионером. Второе – перед носом историка возник указательный палец – начать заниматься современными танцами и встать в строй поклонников в ожидании милости от королевы. Я, наверное, так и поступил бы. Освоил бы не только современные, но и бальные танцы, чтобы милость чаще перепалада...

– Алексей, я понимаю твой искрометный юмор, но это неприемлемые для меня варианты. Ни тот и ни другой, – он ответил устало, – я, к сожалению, безответно влюблен и ничего с этим поделать не могу. Ситуация патовая, – рука снова потянулась к дверному замку.

– Рано сдаётся, Семен Андреевич. У этой проблемы существует решение и не одно.

– Я что-то упустил? – было заметно, как историк мучительно пытается схватиться даже за соломинку. Тем не менее, он отставил в покое дверную ручку. – Решений даже несколько?

– Ну да, – спокойно глядя ему в глаза, ответил Лешка. – Есть правильное решение и неправильное. Начну с последнего. Если вы поменяете килограммы интеллигентности на килограммы брутальности и перейдете к решительным действиям, то эти бастионы. – Лешка помахал фотографией, – продержатся недолго. Таким девушкам нравятся сильные и независимые личности. Вопрос в другом. А вам это надо? Сделаете только хуже и для нее и для себя. Через некоторое время она поймет, что вышла не за того и постарается любым способом изменить свою судьбу. Вы же, как тонкая натура, начнете топить свою боль сначала в коньяке, а потом в более дешевых напитках. Не вы первый и не вы последний. Хотя, безусловно, сможете решить сиюминутную проблему.

По лицу историка было заметно, что Лёшкины слова зацепили его за живое. Он сам неоднократно думал об этом, просто раньше никак не мог принять конкретного решения:

– А каким, по-твоему, должен быть правильный шаг?

– А кто эта блондиночка? – Самойлов ответил вопросом на вопрос и еще раз указал на фотографию.

– А ... эта... – историк провел рукой по шевелюре, – это

Надежда Лазарева, тоже с нашей кафедры. Ей лет тридцать, не больше. Хороший, добрый человечек. По-моему, была замужем, но там какая-то грустная история вышла. Муж загулял вроде, а она тогда совсем юной еще была. Короче, с тех пор мужчин избегает. Синий чулок, одним словом. Да причем здесь она ... для меня-то какое правильное решение?

– Так вот же оно! – Лешка вручил оторопевшему историку фотографию и пояснил: – Если она не танцует, это не значит, что она избегает мужчин. Просто она немного взрослее и не считает для себя этот процесс жизненно необходимым. А для вас правильным будет протереть глаза и понять суть старой пословицы «не всё то – золото, что блестит». Вы оба серьезно относитесь к семье, и оба хотите семейных отношений. Она идеальный для вас вариант... да, кстати, и очень миленькая... присмотритесь.

– Да с чего ты взял, что я ей нравлюсь? – историк был явно озадачен. – Мы уже лет семь вместе работаем. и при этом отношения только товарищеские. Она вообще в мою сторону ни разу не посмотрела.

– Вы, как историк, конечно, супер, но как человек очень близорукий, извините за прямоту... Для вас проявить внимание – это в танце принять соблазнительные позы и изобразить томный взгляд? Вот посмотрите, каждый человек выбирает себе то место, где ему комфортнее. Она выбрала не танцующих, а нашла местечко рядом с вами. Она сидит прямо, чуть развернувшись в вашу сторону, что означает только

то, что в любую минуту она готова к общению с вами...

– Допустим, – Семен Андреевич внимательно изучал фотографию, потом поднял глаза, – а как же мои отношения со Светланой? Ведь почти год...

– Они не прошли даром. За этот год вы накопили в себе массу эмоций, стали внимательнее относиться к своей внешности, что вполне вероятно и сыграло решающую роль в скрытых чувствах Надежды к вашей персоне. А что касается Светланы... Вы же вчера ходили на «Ромео и Джульетту». Шекспир в одном месте обратился прямо к вам: «...зачем искать того, кто найден быть не хочет?». Очевидно, не услышали... Уверен, забудете ее на первом же свидании с Надеждой.

Историк перевел взгляд на Стаса. Тот тоже был обескуражен в общем-то простыми Лёшкиными выводами и сейчас, выразительно приподняв брови, всем своим видом говорил: «А что... в этом что-то есть. Надо попробовать, старик».

Когда входная дверь закрылась за растерянным Семеном Андреевичем, Стас подошел к Самойлову и с задумчивым видом спросил:

– Лёш, а откуда ты все это знаешь?

– Стас, подобные ситуации в художественной литературе были описаны не меньше тысячи раз, – улыбнулся Лёшка, – а что касается психотипов личности, так...

– Психо чего? – Стас недоверчиво осмотрел паренька.

– Психологические особенности личности, иными слова-

ми. Так это еще Фрейд с Юнгом в свое время расстарались по этой теме. Сейчас даже на их исследованиях целая наука появилась – соционика. Одним словом, можно предварительно предположить или даже просчитать действия человека в той или иной ситуации, в зависимости от его психотипа. У этих двух, – он кивнул на закрывшуюся дверь, – психотипы совпадают, вот я и предположил некоторую общность их интересов и взаимную симпатию друг к другу.

– Ну, а если ты ошибся, и у этих типов не возникнет взаимной симпатии?

– Даже если ничего не произойдет, считаю, что мы помогли вашему другу – пока он будет изучать новый объект, страдания по старому выветрятся из его головы. Болезнь пройдет, иначе говоря.

– Я признаюсь, думал, что ты только в музыке разбираешься... – Стас посерьезнел лицом и еще раз пытливым взглядом осмотрел Лёшку...

Ровно через неделю Лёшка снова застал двух неразлучных товарищей в квартире Стаса. Историк был чрезвычайно оживлен и сбивчиво рассказывал, как он присмотрелся к Надежде и понял, что она, в общем-то, на порядок лучше и богаче внутренним миром, чем Светлана, о том, как он раньше был слеп, и о том, что, по его мнению, в этой жизни всё решает господин Случай. Если бы неделю назад Семен Андреевич плотно позавтракал бы с утра, то соответственно не пообедал бы в столовой института, а значит и не оказался

бы за одним столиком с Надеждой, которая, как оказалось, была очень мила, и природа, помимо всего прочего, наградила ее врожденным чувством юмора – весь обед она смеялась над шутками историка. Про Самойлова в том рассказе не было ни слова. Только Стас изредка бросал в сторону Лёшки странные взгляды и улыбался, думая о чем-то своем. Уже в дверях, прежде чем попрощаться, историк крепко пожал Самойлову руку и предложил ему подняться к нему в квартиру на чашку чая. Однако Стас тут же начисто отменил эту идею, сославшись на то, что парень пришел к нему в гости, а не к Семену Андреевичу, и чаем поить Лёшку соответственно будет Стас, а не его сосед.

Когда они остались вдвоем, Стас усадил Самойлова в кресло:

– Лёш, я наверное глупый вопрос задам, – он смутился и посмотрел себе под ноги. – Ты знаешь, моему сыну Матвею скоро двенадцать исполнится.

– Хотите спросить какой подарок купить?

– Да нет, Лёш. С этим я и сам разберусь. Понимаешь, я своего Мотьку очень люблю, но последнее время стал замечать, что он отдаляется от меня. Стесняется, что ли, не могу понять. Хотел спросить – у твоих Фрейда с Юнгом есть какие-то соображения по этому поводу?

Лёшка почесал лоб и неожиданно улыбнулся:

– Без обид?

– Ну, какие могут быть обиды, старик!

– Стас, понимаете, у вашего Матвея две матери и нет ни одного отца. Обе его гладят по голове, целуют в попу, начинают психовать при малейшей простуде, а ему нужен хотя бы один отец. Он же вырастет, смотрит на окружающий его мир и понимает, что мужчины отличаются от женщин. Поэтому и сбит с толку тем, что в его семье между вами и женой нет никаких отличий. При нем не проявляйте сильных эмоций, переживаний, воспитайте из него будущего сильного отца, а не истеричного папашу – и всё изменится. Я уверен...

Еще через неделю пришла очередь Стаса трясти руку Самойлова своей лапищей. Лёшка с улыбкой отметил тот факт, что у инженера НИИ появился на полке двухтомник Фрейда...

Так закончился вакуум отчуждения. Новые друзья приняли его как равного в свою компанию, обсуждая с ним проблемы и различные ситуации. Лёшка тоже оказался не в накладе. Он узнал много нового о той жизни, про которую не пишут в книгах. И только бабушка, нарезаая миллиметровые полоски копченой колбасы на бесчисленное количество бутербродов, не могла понять, почему в последнее время к ним в квартиру зачастили взрослые и бородатые мужики, часами просиживающие с ее внуком...

Когда подошло время выбора профессии, Лёшка понимал, что его призвание – литература, логика и психология, но вместе с тем, гонимый юношеским максимализмом, он также понимал, что зарабатывать на том, что любишь, невоз-

можно, как невозможно искренне верующему человеку зарабатывать на любви к Богу. Недолго думая, он выбрал то, что ему показалось необходимым и рациональным – юриспруденцию. Лёшка, конечно, попытал бы счастья в столице, но на кого тогда оставить бабушку, которая с каждым годом моложе не становилась. Решение было ринято быстро и немедленно оглашено на узком семейном совете – лисецкий университет, юрфак, с его земельным, трудовым и колхозным правом, а там разберемся.

В университет Лешка поступил очень быстро. Еще быстрее они с бабушкой перебрались в её лисецкую квартиру...

Июль-август 1983, г. Тур, Франция

Последний разговор с матерью занозой сидел в памяти Поля, и вытащить ее не было никакой возможности. Во-первых, он просто не понимал, как можно сначала казнить человека, а потом спокойно его оправдать. Что это за законы такие? Сегодня тебе отрубили голову, а завтра – о, миленький пардон, голову отрубили, но не тому меся. Ну извините, меся, в следующий раз будем внимательнее... Что, всё так просто? Во-вторых, он пробовал поставить себя на место родного деда, чтобы понять, с какими страданиями и страхами тому пришлось иметь дело. До сего дня верхом переживаний для Поля был его портмоне, однажды потерянный в автобусе, или периодически доносившийся от соседей снизу запах жареной рыбы. Поэтому сознание, выросшее в парниковой европейской стране, категорически отказывалось внедрять Поля в подобные условия. Он понимал: то, что тяготит мать, и то, что мучает его, можно объединить в одну проблему и разом решить её. И формулировка этой проблемы такова: он должен постараться своими силами найти могилу деда, сделать то, что до него не смог никто. Но как? Если организовать поиск еще раз через министерства, ведомства и прочие бюрократические аппараты, то вряд ли это поможет. Скорее всего, это затянется не на один год. Мучить Катрин бесперспективными ожиданиями Поль не хотел. Был еще один ход.

Взять отпуск, поехать в СССР самому, попытаться на месте сориентироваться и разобраться, покопаться в архивах. Но жалование преподавателя коллежа не настолько велико, чтобы уехать из страны и продержаться на чужбине несколько месяцев. Просить деньги у отца Поль считал ниже своего достоинства, а у матери – такая мысль его даже не посещала.

Однажды Поль сидел у себя дома, рассеянно слушал радио и перебирал старые фотки, которые накопились в большом количестве и требовали сортировки. Он бросил взгляд на одну из них, где сидела компания молодых студентов с бокалами пива в местном баре, и сердце его неожиданно забилось. Поль подпрыгнул, радостно заорал: «Виктория!» и, подняв фотографию выше головы в вытянутой руке, держал её, как полковое знамя. Дело всё в том, что в этой компании на фотке был один человек, который совершенно вылетел из головы Поля, но который как раз и был в состоянии решить его проблему – Люк Арно.

Люк был на несколько лет старше Поля. Близкими друзьями они никогда не были, однако всегда были рады обществу друг друга. Молодые люди просто любили поговорить ни о чем в тени каштанов ботанического сада или посидеть в баре, в компании сокурсников. Люка иногда видели в магазине Катрин, что было не удивительно. Многие студенты и профессура часто проводили у нее время в поисках необходимой им литературы. Люк учился в том же самом университете и на том же самом факультете, что и Поль, только дву-

мя годами ранее. А вместе с вручением диплома Полю предложили освободившуюся вакансию в местном коллеже. Так случилось, что Люк уехал преподавать французский язык и литературу куда-то в СССР, а Дюваль занял его место. Радость Поля сегодня заключалась в том, что он точно помнил название города, в университете которого трудился Люк, – Лисецк.

Решение созрело мгновенно. Надо немедленно написать письмо Люку с просьбой покопаться в местных архивах, поискать людей, которые возможно еще были живы и являлись свидетелями тех лет. Возможно, со временем появится ниточка, которая приведет к могиле деда. Супер, всё бесплатно и ехать никуда не надо. Просто и гениально.

Ждать Поль был не в состоянии. Он схватил пиджак и бегом помчался в коллеж, где упросил милую девушку в отделе канцелярии срочно уточнить адрес Люка в СССР. Получив желаемое, примчался на почту, быстро нацарапал письмо, запечатал в конверт и бросил в ящик, предварительно наклеив на него пару марок с изображением триумфальной арки. С чувством выполненного долга Поль отправился по дороге домой, но через паб. Это дело надо было отметить кружкой светлого. Присев за ближайший свободный столик у входа, Поль заказал у официанта «Будвайзер» и дюжину бургундских улиток в чесночным соусе. Наконец-то он смог позволить себе расслабиться и заняться приятным счётом. «Итак, – подумал он, – сегодня отправил. До адресата дой-

дет недели за две, максимум три. Если Люк ответит сразу, считаем – еще неделя. И на обратную дорогу снова две – три недели. Итого около двух месяцев. Очень даже неплохо! Хуже будет, если Люк сначала постарается хоть что-то найти и только потом напишет письмо. Тогда непонятно, сколько придется ждать. Но всё равно, это не беда. Главное результат».

Поль возвращался домой в приподнятом настроении. Катрин он решил пока ничего не говорить. Пусть сначала будет хоть небольшая новость, а может, и большой результат, мечталось ему. Поль и представить не мог, что самый первый результат своих изысканий ждал его совсем рядом, в виде сердечного приступа, за входной дверью собственного подъезда.

– Добрый вечер, месье Дюваль, – улыбнулась ему уже немолодая консьержка, сидевшая за своим столом.

– Здравствуйте, мадам Дениз, – вежливо ответил Поль, проходя мимо нее.

– О, секундочку, месье, ах, как же я забыла, – крикнула она уходящему Полю в спину. – Вам письмо.

Поль обернулся и сделал пару шагов к ней навстречу:

– Надеюсь, от незнакомки, мадам Дениз...

– Непонятно, зачем тогда она подписывается мужским именем ... – пошутила консьержка.

Поль еще улыбался, когда брал конверт из рук мадам Дениз, но когда он прочитал адрес и имя отправителя, улыбка,

как чернильная клякса, медленно сползла с его лица. В правом нижнем углу конверта в разделе отправитель было аккуратно выведено: СССР, Лисецк, улица Комиссаржевской, Люку Арно.

Поль посмотрел растерянно на консьержку, потом на адрес, потом на обратную сторону конверта, потом снова на консьержку, потом снова на адрес – и так несколько раз подряд. Что-то заело в молодом французском организме.

– У вас все в порядке, месье? – озабоченно спросила она у соляного столпа, одетого в пиджак Дюваль.

– А какое сегодня число? – спросил Поль, глядя сквозь нее.

– Третье, месье.

– А месяц? – продолжил Поль свой совсем невежливый допрос, пытаясь одновременно рассмотреть штемпель на обратной стороне письма.

– Третье августа восемьдесят третьего года, месье Дюваль, – на всякий случай уточнила мадам Дениз. А сама подумала, что «травка» это все-таки зло. И молодым преподавателям в коллеже её вообще категорически нельзя употреблять.

– А кто принес? – Поль явно не желал успокоиться.

– Месье Дюваль, почтальон, конечно, больше некому, – развела руками консьержка.

Поль вторично обернулся и, не попрощавшись, начал медленное восхождение на свой этаж по широкой лестнице с ко-

ванными перилами. Поль пытался хоть как-то объяснить произошедшее с ним, но мозг отказывался дать хоть какой-то результат. «Как так? Я утром отправил письмо, а в обед уже получил ответ. Может, меня разыграли? Но на почте я никого не знаю. Может, меня разыграла та девушка из канцелярии? Нет, бред какой то». Самой рабочей версией оказалась версия о том, что советская почта – самая быстрая почта в мире.

Поль прошел в гостиную, сел за письменный стол и ножом «Dupont», подарком матери, аккуратно вскрыл конверт. На стол выпала небольшая цветная фотография, сделанная «Полароидом», на которой был заснят бурый медведь, стоящий на задних лапах в окружении сугробов, и один листок из обычной ученической тетради.

Поль отодвинул фотографию в сторону и начал с изучения письма, содержание которого оказалось совсем небольшим и выполненным мелким убористым почерком:

««Поль, старина, привет, буду краток, как Сократ. Я надеюсь, ты не забыл, кому должен кружечку пива за то, что греешь мое рабочее место? Старик, дело в том, что моя Жанна скоро должна родить, и я решил прервать командировку и вернуться Тур. И в связи с этим, по старой доброй традиции предлагаю снова тебе занять мое место, но уже здесь. А я тогда вернусь на свое место, но уже в Туре. К тому же, это все-таки историческая родина твоей матери, думаю, ей будет приятно. С деньгами всё очень даже ок. Командировочные

приличные. Решайся. Если согласен, дай знать. С запросом помогу. Жду месяц, больше не могу.

P.S. Бери больше теплых вещей. Летом погода как у нас, а зимой как у пингвинов.

P.P.S. Столько красивых девушек я в жизни не видел. Не пожалеешь.

P.P.P.S. Черт возьми! Ну зачем я женился ...

P.P.P.P.S. С тебя восемьдесят франков – я по международному звонил в наш коллеж, чтобы уточнить твой адрес».

Поль, толком не осознав содержания письма, рассмотрел фотографию. То, что он ошибочно принял за бурого дрессированного медведя, оказалось его приятелем Люком Арно в огромной шубе. На голову было надето странное меховое кепи из волка или собаки с опущенными ушами и завязанными под подбородком. Подмышкой Люк держал явно женскую сумку, вытянутой формы. «Может, это у русских такие портфели для ученого состава, – подумал Поль, – или, может быть, по рассеянности Люк в автобусе случайно прихватил чужую сумку? А может быть, попросил первую встречную девушку сфотографировать его, а сам решил любезно ей помочь?» Но что-то ему подсказывало, что жене Люка лучше эту фотографию не показывать. Кстати, близоруко прищурившись, Поль разглядел внизу одного сугроба бампер, а у другого – явно автомобильную фару.

Поль был настолько взволнован таким удивительным совпадением, что уснуть уже был не в состоянии. В голову лезли

картинки далекого советского города с медведями и пингвинами, Люка, окруженного толпой русскоговорящих красоток во главе с беременной женой, самого себя и, конечно же, деда.

«Нет, это знак судьбы! – в сотый раз подумал Поль, перечитывая письмо. – Как такое могло случиться?»

Он проснулся, как от толчка. «Бог мой, половина девятого!» Так: или не бриться и не завтракать, или что-то лепетать директору и ученикам». Выбор пал, естественно, на первое «или». Он примчался за пять минут до начала уроков, весь затекший и опухший, с отпечатком своей собственной пятерни на лбу. «М-да... – подумали коллеги... – ну, бриться-то надо время от времени». «М-да... – подумала школата... – Как рано стареют учителя...».

Поль едва дождался конца занятий и резвым галопом поскакал в кабинет директора. Там, волнуясь, он зачитал основную часть письма Люка, сообщил ему о своем решении ехать в СССР и вежливо поинтересовался мнением директора. Напрасно он с тревогой ожидал ответа. Директор был совершенно не против поменять юного специалиста на более опытного. Он даже оказал любезность и обещал передать ему полный список документов, необходимых для согласования подобной ротации педагогов в государственных органах.

Далее Поль помчался снова на почту. Обычное письмо отправлять не позволили опасения и переживания, поэто-

му Дюваль на бланке телеграммы написал всего одно слово: «Согласен».

Теперь предстояло самое главное – успокоиться и сообщить о предстоящей поездке матери. Поль открыл дверь магазина и обнаружил Катрин, беседующую с двумя немолодыми уже господами, одетыми одинаково в костюмы с жилетками и галстуками. Он встретился взглядом с матерью и кивнул ей. Как ни скрывал он свое волнение, стараясь казаться неторопливо-безразличным, мать раскусила его в первую секунду:

– Excusez moi, monsieur Durant et monsieur Thomas, je doit servir un client tres important, qui est mon fils Paul. Si vous netes pas contre continuerons demain notre conversation a tout moment. (Месьё Дюран и месьё Тома, я должна обслужить очень важного клиента, моего сына Поля. Если вы не против, продолжим наш разговор завтра в любое удобное для вас время).

Оба господина заулыбались, дружески кивнули Полю и по очереди поцеловали руку Катрин.

Мать, в неизменно деловом костюме, подошла к сыну и, нежно улыбнувшись, спросила:

– Что случилось, малыш?

– Ровным счетом ничего, мам, – ответил Поль. – Напрасно ты оборвала разговор. Я мог бы и подождать.

– Я поняла, – Катрин еще раз улыбнулась, – снова вопросы?

– Никаких вопросов, мам, просто забежал сказать, что скоро, через месяц, я поеду в командировку, – Поль как бы невзначай посмотрел ей в глаза.

– Ну что ж, хорошо, а куда и на сколько?

– В Лисецк, мам, пока на год, а там видно будет, – Поль старался как никогда, чтобы обертоны голоса оставались будничными.

– В какой Лисецк? Как в Лисецк? – Катрин растерялась. – Это что, шутка?

– Мам, ну какая шутка, это командировка. Послушай, у меня предложение: давай я закажу круассаны и десерт, а ты после работы заскочишь ко мне. Мы попьем кофе и обо всем поговорим. Договорились? – Поль по лицу матери видел, что у нее минимум сто вопросов, поэтому поцеловал ее в щеку и ретировался из магазина. Катрин долго еще молча стояла у окна и что-то пыталась разглядеть в надвигающихся на город сумерках...

Октябрь 1936, г. Лисецк

Антонов поплотнее закрыл за собой дверь начальника НКВД, подошел к ожидавшему его Кандидату и негромко приказал: «Через пятнадцать минут в Кольцовском сквере у фонтана». Не дожидаясь ответа, прошел через приемную, по лестнице спустился на второй этаж, зашел в небольшой кабинет и, по-армейски быстро натянув на себя кожаную ту-журку, спустился на первый этаж. Козырнул часовому на входе и оказался на улице. Можно было не спешить, до Кольцовского сквера было минут семь пешком, не больше. Антонов повернул направо и неспешно направился в сторону Конной площади. Стареющий опер знал этот район как свои пять пальцев, он родился здесь пятьдесят пять лет назад и еще босоногим пацаном бегал по улице Володарского и по прилегающим к ней кривым переулкам. В те частливые времена она называлась по-другому – Мещанской, хотя у нее было еще два названия – Пятницкий переулочек и Попова гора. Пятницким переулком её называли старики, отчего – не известно. А вот когда сорок лет назад купец, торговавший обувью, Попов Дмитрий Сергеевич купил на южной части улицы сразу одиннадцать усадеб и положил между ними булыжную мостовую, её стали называть Поповой горой.

Позавчера на Покров резко похолодало, но сегодня так же потеплело. Если бы не промозглый ветер, швыряющий в

лица прохожих то ворох опавшей листвы, то старое тряпье, можно было бы наслаждаться прогулкой. Антонов поднял кожаный воротник и поглубже натянул картуз, чтобы потом не веселить честной народ – с наганом на боку гоняться по всей улице за головным убором. Он шёл и вспоминал первое общение с новым кандидатом в палачи. Это было неделю назад. Антонов в тот день заглянул в самый дальний кабинет, рассчитанный на четырех человек на последнем этаже. Никого не было, только в дальнем углу над бумагами корпела маленькая голова со сломанным ухом. Когда Антонов приблизился, голова поднялась над столом, но как-то не очень высоко. Тельце, к которому она присоединялась, оказалось маленьким и тщедушным. Антонов протянул руку и поздоровался. Человечек, в большой не по размеру гимнастерке без каких-либо знаков различия, довольно крепко пожал руку.

– Где ухо сломал? – спросил просто Антонов, присаживаясь у стола.

Опер машинально прикоснулся к уху, покраснел и пробубнил:

– Да так, в детстве, с пацанами...

Антонов до этого общения навел справки на кандидата. Родился в 1912 году в небольшой деревне под Лисецком, из семьи крестьян, комсомолец, не женат. Отучился в местной начальной школе, после которой пошел работать в колхоз. Активно себя проявил в начале тридцатых годов, когда нача-

лась сплошная коллективизация. Возглавлял отряды по хлебозаготовкам, выявлял зажиточный элемент, который резал скот и сокращал посевы. Год назад по комсомольской путевке попал в лисецкий НКВД. Друзей нет, довольно замкнут, увлечений нет, в пьянках не замечен. То, что надо.

Антонов прямо задал еще один вопрос:

– Знаешь, кто я?

– Да, – последовал ответ, – вы помощник коменданта.

– Что входит в мои обязанности, представляешь?

– Нет, конечно. Я и не обязан их знать, правильно?

– Правильно. Скажу один раз, это для всех я – помощник коменданта. О том, что я привожу приговоры суда в исполнение, знает только один начальник нашего НКВД. И еще ты. Если после нашего разговора узнает кто-нибудь еще, лет на десять загоню туда, где Макар телят не пас. – Антонов говорил ровно и буднично, будто газету читал, но маленькой душе в маленьком теле стало как-то неуютно:

– Как можно, я присягу... – скороговорка оборвалась на полуслове.

– Еще раз перебеешь старшего по званию, просто арестую. Итак, старый я стал для этой работы, смена мне нужна. Один раз спрошу, пойдешь вместо меня? – Антонов встал из-за стола.

– Да, если прикажете, конечно, – раздался ответ. – А...

– Если начальник одобрит, то с того самого дня я буду называть тебя Кандидатом. Лишний раз именем не бряцай.

Сиди и жди, пока не вызову и никому ни слова. Бывай. — Антонов повернулся и вышел, не прощаясь...

Старый опер дошел до конца улицы, поравнялся левым плечом с Конной площадью и повернул чуть правее, в начало Кольцовского сквера. Деревья в парке стояли почти голые и хлестали ветками друг друга под порывами ветра. Прохожих было много, но никто не стоял на месте; подняв воротники, они торопливой походкой шли по своим делам. Антонов приблизился к памятнику известного земляка, выполненному из белого мрамора, и остановился между ним и не работавшим фонтаном. До встречи осталось чуть больше минуты...

Кандидат из приемной начальника вернулся к себе в кабинет и сел за стол. Времени было хоть отбавляй. Он присел и отвлеченно посмотрел в окно. Последнюю неделю его терзал один единственный вопрос, прав ли он в том, что согласился а предложение Антонова? С одной стороны, это немного пугало. Наверное, не так просто расстреливать людей, даже если они враги народа. Но с другой стороны, обязательно должны зарплату больше платить, может, и звание дадут хоть какое. И потом, попробуй откажись, турнут обратно в деревню, только пыль стоять будет. А в деревню совсем не хотелось.

Как не хотелось вообще вспоминать эту убогую, вонючую, унавоженную от ее окраины до печки в родной хате, деревеньку с названием Красивая. Название звучало откровенно

ной насмешкой. Халупа, в которой родился Кандидат, с таким же успехом могла называться Кремлем. Стены ее, когда-то основательно сбитые, теперь покосились и вид имели угрожающий, соседи старались рядом с ними табачок не нюхать, чтобы до срока не повстречаться с праотцами.

Мать он не помнил вовсе, а отец большей частью отлеживался на печке. Он надорвался лет пять назад на лесосеке и с тех самых пор лишь иногда выходил во двор, делал что-либо по мелочи – и сразу домой. Близких родственников не было, за исключением двоюродного брата отца, дяди Коли, жившего на другом конце деревни, точнее, пьянствующего на другом её конце. Он тоже надорвался, только брагой. Сам её гнал, сам её ел, пил, сам ею блевал, одним словом, как и отец, просто ждал, когда закончатся земные приключения.

Однако больше всего Кандидат не любил вспоминать начальную уездную школу. Учеба давалась совсем нелегко, потому что смысла в ней не было, – зачем считать коров, если их и так нет, а писать-то что? и на чем? – бумага была на вес золота. Вдобавок ко всему соученики, вначале не трогавшие хлипкого пацаненка с тощей шеей, стали задираться и перестали его брать в мальчишеские игры. Да еще самый противный из них, он же заводила, Васька Игнатьев, стал дразнить его Филином. Однажды Филин решил отомстить и Ваське и всем остальным. Он как-то подкараулил директора школы и рассказал ему всё и про всех. Как Васька подпалил школьный забор. Хоть вовремя потушили, но виновного так и не

нашли. Как тот же Васька с Федькой и Пашкой подшутили над деревенским конюхом – тот валялся пьяный на дороге, а пацаны его раздели до исподнего. Список был длинным. На следующий день наказание оказалось тоже долгим. Пацаны, кто с опухшим ухом, кто с синяком под глазом, кто хромая, загнали Филина в угол школьной избы и долго били. А Васька Игнатьев так тащил его за ухо, что сломал его, но самым обидным было то, что в дверях его поставили на четвереньки и наградили увесистым пинком под зад. Последнее, что помнил Филин, – это презрительный взгляд Васьки, который плюнул ему вслед и закрыл дверь в избу.

Больше он в школу, конечно, не вернулся, начал работать в колхозе и у себя в огороде, но обиду забыть так и не смог. Ярость и злость наполняли Филина, как кровь наполняет клопа, почти ежедневно. Ему снилось, как Васька его убивает, топит его в реке, сжигает в избе, толкает вниз с обрыва. Со временем это притупилось, но не пропало. Так прошло еще три года. Но однажды исчезло навсегда.

В тот день к ним в деревеньку заехал обоз с комсомольской бригадой, охраняемой красноармейцами. Бригада выполняла план сбора, точнее, отбора зерна и птицы у зажиточных крестьян и у тех, кто в колхоз не желал. Не гнушались ничем, судя по нагруженным подводам, брали даже инвентарем. Все дворы деревни объехали за час, издалека было видно, что кроме навоза брать нечего. Остановились в последнем дворе, у Игнатьевых. Братья Игнатьевы были рабо-

тящими крепкими середнячками. Старший, Владимир, был женат и воспитывал сына Ваську, младший жил вместе с ними под одной крышей.

Обозы остановились возле их подворья. Братья распахнули небольшой амбар, заполненный почти доверху сеном, но плана по сбору сена у комсомольцев не было. Командир бригады, молодой парень в косоворотке, подпоясанный тонким шнурком, устало прыгнул на землю:

– Да, значит, и у вас пусто.

– А чего быть полно-то, товарищ, вона сеять-то нема было чем, – отозвался старший брат и сплюнул на землю. Командир уже подал знак сбора, но рядом оказался Филин. Он слышал, как Васька когда-то хвастал секретным подполом в амбаре и все пацаны восторженно слушали про семейные богатства Игнатьевых. Филин подошел к командиру и негромко произнес:

– Подвал есть у них в амбаре. Проверьте.

Командир удивленно посмотрел на паренька, но остановил обоз и приказал двум красноармейцам: «Сидоров, Лапутин – еще раз обыскать амбар». Филин видел, как напряглись братья, как старший, Владимир, словно бы случайно опёрся на вилы. Поэтому, не долго думая, он притулился к командиру, спиной к спине. Через десять минут из амбара донеслось: «Есть зерно!». Владимир, с налитыми кровью глазами, как у быка, с вилами на перевес и с криком «убью, падла!» кинулся на Филина, но все подумали, что недораскулаченный

элемент угрожает расправой командиру, который находился тут же рядом. Один выстрел из карабина красноармейца, охранявшего обоз, остановил Игнатьева, еще один выстрел, из нагана командира, опрокинул его.

Из амбара извлекли девять мешков зерна. Под стенания и вопли женщин загрузили это богатство на одну подводу, а Игнатьева-младшего и Ваську на другую. Было решено их арестовать и отправить в райцентр, пусть там разбираются.

Командир, тем временем, подошел к Филину:

– Спасибо тебе, товарищ, – он благодарно встряхнул тому руку. – Ты сегодня многих спас от голодной смерти. Ты местный? Айда к нам, в комсомольскую бригаду? Уж ловко у тебя это получилось. Накормим, с голоду не умрешь. Предупреди только родных, а?

Филин впервые почувствовал власть над людьми. Его можно было не уговаривать:

– Сирота я, – соврал он. – Согласные мы.

– Ну, так что, собирай вещи – и с нами в дорогу, – обрадовался командир обоза.

– Да все вещи на мне.

– Наш человек. – изумился командир. – Давай запрыгивай, – он освободил место рядом с собой на телеге.

Но Филин, не торопясь, подошел к подводе, где сидели со связанными руками Игнатьевы, встал вплотную к потерявшему Ваське и смачно харкнул ему в лицо. Ярость и злость прошла, когда он увидел съевшегося паренька, сидевшего

на дне подводы с невидящим взглядом. илин отвернулся и зашагал в сторону своей телеги.

– Идейный, – радости командира не было границ. Отряд не только выполнил план по сбору излишков, но и пополнился настоящим пролетарским бойцом...

Очнувшись, Кандидат глянул на часы и опрометью выбежал из управления. Подбежал к скверу, издалека приметив слегка сутулую фигуру Антонова, и по его лицу понял, что не опоздал. Антонов, прикурив недешёвый «Казбек», негромко сказал:

– Времени мало на инструктаж, так что лови на лету и запоминай. Главное – это четкость исполнения инструкции, потому как процедура не сложная, но поначалу очень эмоциональная. Задумаешься, опоздаешь – всё, пиши пропало. Идешь на исполнение – думаешь только об инструкции, ни о чём больше. Она очень проста. Первое, получить приказ от начальника НКВД, уточнить время исполнения. Второе, ровно за семь минут до исполнения начать движение из своего будущего кабинета. Третье, до места исполнения надо преодолеть тамбур с двумя дверями и контрольной дверью, итого три ключа. – Антонов достал два из них из разных карманов галифе и третий из нагрудного кармана. – Ключи от дверей всегда храни в разных карманах. Не перепутаешь, значит и не опоздаешь. Пятое, прибыв на место, нажать на кнопку звонка слева от входа и опустить вентиляционное окно на последней двери. Шестое, когда откроется дверь,

приготовиться. Потом зайдет невеста и повернется лицом к стене. Сразу исполняешь, не тянешь. Восьмое, открываешь дверь, откуда исполнял, и осуществляешь контрольный выстрел в нижнюю часть затылка, за левым ухом. Девятое, после исполнения все действия производишь в обратном порядке – открыл дверь, вышел, закрыл дверь, поднял вентиляционное окно, нажал на кнопку звонка, вышел в тамбур, прошел тамбур, закрыл дверь – и точка. Исполняем обычно в вечернее время.

Антонов замолчал и наступила пауза. Кандидат опустил глаза в землю и молча слушал, не проявляя никаких эмоций.

– Ты что, уснул? – Антонов затянулся и посмотрел на молодого чекиста.

– Нет, – ответил тот, – не хочу быть арестованным.

– Не понял, шутки шутишь?

– Нет, вы же предупредили, если перебыю, то арестуете. А мне это не надо. Вот и слушаю.

– Ясно, не дурак, значит, – Антонов скривил губу. Улыбаться он уже давно разучился. – Спрашивай.

– Почему такая секретность? Мы же правое дело делаем. Это же почет и уважение.

Антонов выбросил пустую гильзу папиросы :

– Девушка есть? – и, получив кивок в ответ, продолжил: – Так вот, она сначала девушка, потом она жена, потом дети. Потом от тебя и от твоих детей все, как от чумы, бегать будут. Люди боятся палачей. Жена уйдет, дети забудут. Тебе оно

надо? Да и наши никогда руки не подадут, они же революцию в перчатках делают, а мы с тобой дерьмо гребём. Ясно? Давай дальше.

– Я не понял, а звонок для чего? И почему приговоренный должен обязательно встать спиной ко мне? Он что, добровольно готов пулю получить? И еще, а если я промахнусь?

Антонов усмехнулся :

– Вот теперь правильные вопросы пошли. По порядку. Место исполнения – это душевая комната в подвале. Чтобы невесты не брыкались, их приводят как бы на помывку перед этапом. В раздевалке, смежной комнате слева, конвой и врач. Вот конвоирам ты и сигналишь, что на месте и готов. Приговоренный раздевается, заходит в душевую. Над ним сам душ. По приказу он ставит руки на стенку и ждет, когда откроют воду. Он твой. Душевая комната маленькая, два на два, поэтому и промахнуться невозможно. Если не уверен, через окошко вытянешь руку – почти упруешься в голову. Над ним лампа. Ты его видишь – он тебя нет. Ещё вопросы?

Кандидат слегка задумался:

– Странное место, душевая. А почему слева в затылок?

– Не странное, а практичное. Казнили и тут же всё смыли. А слева, потому как там главная часть головы. Когда я исполнял справа, они, бывало, ещё дергались несколько минут. А слева – никогда. Так, теперь о приятном. Будешь честно долг исполнять, месяца через два дадут квартирку, звание, отпуск в любое время года в любой здравнице страны, ну и ежеме-

сячные премиальные, двадцать процентов. Для прикрытия – должность помощника коменданта. Что-нибудь там учить будешь, хоть портянки, главное, чтобы вопросов не было. Чего лыбишься?

Кандидат, услышав про перспективы, уже не мог сдерживать эмоций – вот это жизнь! От крестьянина до вершителя судеб меньше, чем за год. Вслух спросил:

– А как же звание? Для него срок же нужен.

– Не твоя забота, приказ выйдет и всё.

– Не сомневайтесь. Я не подведу.

– Знаю, – Антонов оглянулся и произнес, – сегодня и проверим. Будь ровно в девять у меня в кабинете...

...Когда в дверь помощника коменданта постучали, Антонов абсолютно точно знал две вещи, что это Кандидат и что время двадцать один ноль-ноль. На сегодня был назначен только один приговор, так что много работы не ожидалось. Главным было посмотреть на салагу во время исполнения. На словах-то все волчары, а как до дела дойдет, хвост может собачьим оказаться:

– Итак, сегодня один приговор, начало через десять минут, значит, выходим через две. Это с учетом тебя, – кашлянул в кулак Антонов и продолжил: – Главная твоя задача – запомнить досконально, что и как. Если стошнит или если поплохее – молча, без звуков отваливайся в противоположную от меня сторону. Ясно? Вопросы есть?

– Всё ясно. – голос новичка был возбужден, но в пределах

нормы, — хотел спросить, а когда мы ему приговор зачитаем?
— Совсем сдурел? Это работа следователя. Он ему днем уже зачитал. Так — всё, будет лясы точить, — Антонов посмотрел на часы, — выходим.

Антонов с напарником покинули кабинет и, преодолев коридор до конца, спустились по запасной лестнице на три этажа ниже. Вход преградила дверь, обитая металлом. Антонов привычным движением открыл ее, достав из левого кармана штанов ключ, прошел сам, пропустил Кандидата, закрыл дверь, продемонстрировал ключ напарнику и положил его в карман. Дальше им пришлось преодолеть еще около пятидесяти метров по широкому бетонному коридору, выкрашенному до уровня человеческого роста в зеленый цвет. Антонов остановился возле неприметной серой двери, вынул из правого кармана галифе второй ключ, показал его напарнику, открыл дверь, нажал кнопку звонка и шагнул в темный провал комнаты. Кандидат шагнул за ним и закрыл за собой дверь. Комнатка оказалась очень тесной, два человека едва поместились. Антонов стоял лицом к стене, из которой через вентиляционную решетку пробивалась полоска света. Кандидат вжался спиной в другую стену, стараясь не мешать начальнику. В комнате присутствовал явный запах пота и страха. Антонов осторожно вытащил небольшую решетку вентиляции из пазов и бесшумно опустил её вниз. Она оказалась привязанной прочной веревкой к полотну двери. Привычным движением он растянул кобуру, повернулся

к окошку правым боком, расставил ноги на ширине плеч, взвёл наган и стал ждать.

Кандидат оказался теперь стоящим к нему лицом к лицу. Последнее, что он успел отметить, как мгновенно умерли глаза Антонова. Еще пять минут назад двигались, пытались шутить, а сейчас мгновенно погасли и застыли.

Тем временем, в соседнее помещение два конвоира ввели арестанта и подвели его к столу, за которым сидел человек среднего возраста в круглых очках и распахнутом белом халате, надетом поверх гимнастерки. Человек поднял глаза от лежащей перед ним амбарной книги и негромко спросил у арестованного:

– Фамилия, имя, отчество, год рождения.

– Кебриков Пётр Петрович, тысяча восемьсот девяностый, – так же негромко отозвалась сутулая фигура в потертом пиджаке.

– Раздеться. Одежду на соседний стол, – врач мельком осмотрел заключённого и сделал запись в амбарной книге. – В душевой напор воды сильный, так что руками держаться за стену.

В этот момент раздался зуммер телефонного аппарата, стоящего на краю стола перед врачом. Тот трубку брать не стал, а привычно кивнул конвоирам:

– Впускайте.

Один из конвойных, который был помоложе, левой рукой потянул на себя дверь и приказал:

– Пошел вперед. Помывка одна минута.

Голая фигура, еще более сгорбившись, на полусогнутых ногах шагнула в соседнюю комнату...

Кандидат увидел, как в душевую робко вошел приговоренный, шурясь от яркого света.

«Лицом к стене и руки на стену» – донеслось из предбанника. Арестованный исполнил команду, и дверь захлопнулась. Антонов бесшумно поднял руку с наганом, протиснул её в вентиляционное окно и выстрелил в момент закрытия двери. Тут же переложил наган в левую руку, а правой достал ключ из нагрудного кармана и продемонстрировал его Кандидату. Их глаза встретились. Антоновские были совершенно безучастны, а глаза новичка возбужденно блестя. Он протянул одну руку к нагану, а вторую к ключу и попросил-потребовал: «Теперь я». Антонов кивнул головой, передал ключ и наган Кандидату и указал глазами на дверь. Новичок легко щелкнул хорошо смазанной пружиной замка, толкнул дверь и оказался рядом с тощей фигурой, лежащей в скрюченном состоянии у противоположной стены. Правая нога казненного слегка подергивалась. Кандидат приподнял наган, спокойно прицелился и трижды нажал на курок. Жесткое эхо от выстрела резануло по ушам. Антонов кинул беглый взгляд на труп на полу и вышел в коридор. Теперь уже не Кандидат, а Исполнитель сделал шаг за ним, закрыл дверь, поднял вентиляционное окно, ключ опустил к себе в нагрудный карман и оказался в коридоре. Его ру-

ка снова требовательно вытянулась в сторону Антонова. Тот усмехнулся и, молча, положил в нее ключ. Исполнитель закрыл вторую дверь и нажал кнопку звонка. Ключ скользнул в левом кармане штанов. Антонов указал пальцем на соседнюю дверь, и палачи шагнули в еще одно помещение:

– Это еще один твой будущий кабинет. У начальника в управлении один, а у тебя два, – Антонов пытался пошутить. Он открыл скрипучий шкаф, стоящий в углу комнаты, молча достал из него початую бутылку «Особой», два стакана и поставил их на единственный стол. Стульев в комнате не было. Антонов наполнил оба стакана наполовину и молча, не дожидаясь напарника, выпил. Исполнитель выдохнул, закинул в себя содержимое стакана и вытер губы тыльной стороной руки. За несколько минут мир в глазах Исполнителя заметно уменьшился. Как будто он посмотрел не него в бинокль с обратной стороны. Всё стало мелким, а людишки никчемными. Вон стоит один из них и что-то лопочет еле слышно...

Антонов в это время убрал бутылку со стаканами обратно в шкаф и произнес:

– После исполнения не больше сотки. Меньше нельзя – сорвешься, больше нельзя – сопьешься. Я доволен, ты хорошо проявил себя. Завтра уже твой день целиком. Вот твой третий ключ, держи, – он протянул ему ключ, – сам-то как, ничего?

Исполнитель взял ключ и, ни слова не говоря, вышел из комнаты. А о чём говорить с теми, кого почти не слышно...

Март 1984, г. Лисецк

Лёшка сидел за столиком кафе «Мороженое» и не спеша потягивал из высокой чашки кофе гляссе – модный напиток, недавно появившийся в городе. Ничего особенного в нем не было, смесь пломбира с кофе, но это было на уровне. Именно так считала Белка, Белла Сафонова, миловидная блондинка в модном свитере, сидевшая напротив Лёшки. Они учились в одном университете, на одном курсе, но на разных факультетах, он – на юридическом, она – на инязе. Их знакомство состоялось чуть больше года назад. Лёшка заметил тогда еще, первого сентября, на построении всех студентов перед главным университетским корпусом стройную блондиночку, старательно выводившую «*Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*» – международный гимн интеллектуальных школьников, решивших продолжить свое образование. Лёшка долго не думал. В этом случае действовать надо было изящно и просто. Он дождался окончания девичьей оратории, приблизился к Белке и улыбнулся, как улыбаются доброй знакомой – дружелюбно и ненавязчиво. Пока Белка пыталась его вспомнить, старательно морща лобик, сама не заметила, как, взяв его под руку и весело болтая, пошла в соседний университетский корпус на свои первые занятия.

А на следующий день Лёшкина бабушка случайно упала и сломала ногу. Хирург констатировал перелом шейки бед-

ра. Через неделю пульмонолог констатировал отек легких. Еще через неделю из командировки на похороны приехали родители. В те дни Лёшка не очень ясно понимал, что происходит. Бесконечная череда бабушкиных друзей и подруг, слезы, утешения, соболезнования, ободрения, всё это было непривычно новым, пугающим его своей безысходностью. Но в этой суе Лёшка особенно остро понял, что больше родной ему человек никогда уже не назовет его внуком, не посидит с ним вечером у телевизора и улыбаться теперь сможет только со старых черно-белых фотографий...

В себя он окончательно пришел дня через два после того, как снова проводил в бесконечную командировку своих родителей. Мать плакала, отец деловито паковал незамысловатый багаж, потом поезд прощально качнул задним вагоном в утренней дымке – и всё, здравствуй новая жизнь. Первым делом, вернувшись домой, Лёшка собрал все немногочисленные бабушкины вещи и положил их в шкаф на самую дальнюю полку. Оставил на виду одну единственную её фотографию. Делал всё механически, будто выполняя чью-то инструкцию, но интуитивно понимая, что так будет правильно. Травмы в молодом организме зарастают быстро. Через пару дней он уже с удовольствием позавтракал, еще через неделю улыбнулся чьей-то шутке. Но Белку пришлось на время забыть. Увлечения требуют праздности души, а вот с этим у Лёшки был явный дефицит. С учебой тоже всё было невесело: глаза не читали, привычная стройность мыслей

растворялась в воспоминаниях о детстве. Выручали только любимые книги, Лёшка нырял в них глубоко и надолго задерживал дыхание до поздней ночи, но с утра включалась уже привычная минорная карусель.

А однажды всё закончилось. Накануне в пятницу вечером позвонил Сашка Макаров, Лёшкин сокурсник, и предложил в очередной раз немного подзаработать. На стипендию в сорок рублей сильно не разгуляешься, можно было двадцать раз пообедать в столовой, или купить тринадцать батонов колбасы по два девяносто, или купить четыре тысячи спичечных коробков – здесь каждый советский студент выбирал осознанно и свободно, в рамках своей стипендии. Тем же, кто собирался еще одеться или обуться, необходимо было мыслить более глобально. Именно поэтому ребята и встречались все выходные последние два месяца на территории городского хладокомбината. Работа была не особенно тяжелая. Надо было выгружать из вагонов коробки с рыбой или перегружать ту же рыбу в морозильные камеры. Однако «рублевым», так звали грузчиков, платили щедро, иногда за день выходила месячная стипендия. Касса работала ежедневно и честно закрывала наряды, выписанные бригадирами. Минусов было два. Работа начиналась в шесть утра, и под вечер голова уже туго соображала после бесконечных коробок с рыбой, каждая весом тридцать три килограмма, и не менее бесконечных паллет с теми же коробками. Но хуже дело обстояло с неистребимым запахом обитателей морей и

океанов, который невозможно было отстирать или проветрить. Лёшка помнил, возвращаясь в последнем автобусе, как немногочисленные пассажиры возмущенно крутили головами и шмыгали носами, и если на его счастье рядом находился подвыпивший гражданин, то все проклятия и упреки летели в сторону мирно спящего пьяницы. Поэтому рабочую одежду приходилось хранить на балконе бабушкиной квартиры, что, конечно, не улучшало отношений с соседями слева, справа, сверху и снизу...

В субботу рано утром сокурсники встретились на хладокомбинате, пожали друг другу и бодро зашагали в сторону бригадиров, распределявших наряды. Десятка два человек толпились на перроне и неторопливо покуривали в ожидании предстоящей работы. Наконец, бригадиры определились и раскидали «рублевых» по различным направлениям. Лёшке досталась морозилка, работа привычная и умеренная – сложить рассыпавшиеся поддоны с рыбой. В камере иногда доходило до минус двадцати, но зато без ветра, снега и мата. Лёшка застегнул бушлат на все пуговицы, надел вязаную шапку и шагнул в мрачные помещения холодильника. По дороге он заметил, что бригадир как-то не очень уверенно шагал, да и глаза у него блестели болезненно, но что поделать. По Конституции каждый советский гражданин имел право не только на труд, но и на отдых. У входа в камеру тот немного потоптался, открыл тяжелую створку двери, обшитую стальным листом, и, пропустив Лёшку, бросил: «Восемь

поддонов с минтаем. Сложи вон у той стенки. Минут через сорок открою».

Дверь камеры закрылась, и Лёшка осмотрел помещение. Привычная картина: одна половина заполнена аккуратными штабелями с поддонами, а у противоположной стены небрежно набросаны горки коробок с рыбой и чуть дальше, в стороне, лежали пустые поддоны. Владения Нептуна, а точнее его коллеги Аида, освещал один, но достаточно яркий фонарь, висевший под самым потолком. Лёшка надел перчатки и принялся за работу. Расчистил место под первый поддон и начал укладывать на него рыбу, пять коробок в ряд, всего пять рядов. Нос и кончики ушей ощущали минусовую температуру, а телу, разгоряченному перекладыванием ненавистного минтая с места на место, было даже немного жарковато. Ровно за полчаса восемь поддонов стояли, выстроенные в ряд. Лёшка подумал, что, может, стоит сменить профессию юриста на более престижную и высокооплачиваемую профессию грузчика, пока не поздно. И еще одна мысль пришла ему в голову: зачем надо было торопиться? Теперь придется минут десять бродить по камере, ничего не делая. Однако в положенный срок дверь не открылась. Никто не пришел и еще через десять минут, и еще через десять минут. Тело уже остыло от вынужденного безделья и стало слегка замерзать. Стучать в тяжелую дверь и орать было бесполезно – камера находилась в самом конце этажа, куда вряд ли могли дойти влюбленные парочки или любители сообра-

зить на троих. Оставалось ждать. Еще минут через пять Лёшка немного подкорректировал тактику – оставалось прыгать и ждать. Напрыгавшись на год вперед, он залез на штабеля с рыбой и наслаждался небольшим теплом, исходящим от фонаря под потолком. Лёшка проанализировал сложившуюся ситуацию: с водой намечалась проблема, зато еды было хоть отбавляй. Ну лопают же как-то народы Севера мороженую рыбу, а здесь минтая было года на три, не меньше. Меню, конечно, выходило однообразным, и рыбным мог оказаться не только четверг, но и все остальные дни недели. Еще минут через десять Лёшка все-таки оценил преимущество юриста перед грузчиком. Оно было хоть и небольшим, но существенным – для выживания первому не обязательно надевать на работу шапку и бушлат. Следующие десять минут Лешка пытался составить вероятный план действий бригадира, но такой компонент как алкоголь даже Нострадамуса поставил бы в тупик. Еще минут двадцать, сидя под фонарем, Лёшка думал о вечном, но только отвлекала одна гадкая мысль. Бредово закончить свой путь в виде мороженой трески или минтая. Пусть лучше будет мороженный хек – брутальная аббревиатура для настоящего мужчины...

К исходу второго часа дверь распахнулась как пушинка и помещение наполнилось истошным воплем протрезвевшего бригадира:

– Эй, друг!.. Товарищ!.. Ты где?!

– В ... – Лешка ответил в рифму, но не очень цензурно.

Он спрыгнул со штабелей и двинулся в сторону выхода мимо согнувшегося бригадира.

– Прости, друг, черт попутал. Просто память отшибло. Ну хочешь, коробочку рыбки возьми, я помогу через забор перекинуть.

– Сука, – стараясь быть вежливым, попрощался Лёшка и вышел прочь.

Вечером, вернувшись домой, он подмигнул фотографии бабушки, которая выглядела немного встревоженной, и сказал: «Всё в порядке, не волнуйся». С этого момента между ними протянулась незаметная тонкая ниточка, и боль утраты исчезла окончательно. Утром следующего дня Лёшка поздоровался с фоткой: «Привет, ба» и как ни в чем не бывало побежал по своим делам...

Белка сидела напротив, потягивала свой кофе глянсе, иногда поднимала взгляд на Лешку, но чаще искоса поглядывала по сторонам. Тому была причина. Две недели в городе в прокате шел новейший голливудский киношедевр Сидни Поллака «Тутси», в котором снялись Дастин Хофман и Джессика Лэнг. И именно из-за этих актеров на их стол таращились со всех сторон. Нет, Лёшка, конечно же, не был похож на Хофмана, но Белка, по невероятной шутке природы, была как две капли воды вылитая Джессика Лэнг. До этого фильма у Лёшки была обычная жизнь – университет, дом, кафе, друзья, Белка. Теперь же он чувствовал себя чем-то между импрессарио и сутенером – Сафонову должен увидеть непре-

менно весь город и не просто увидеть, а оценить, пустить слюни, помечтать и умереть. Белка и так, по своей природе, была хороша, стройная, среднего роста, с умеренной грудью. Не без помощи своей матери, работающей товароведом в городском универмаге «Утюжок», она выглядела убойно для юношеской и взрослой психики в моднящих джинсах, обтягивающих эротические приспособления для ходьбы и сидения, а разноцветные кашемировые свитера добавляли образу романтизма и загадочности. Но после выхода фильма почти весь Лисецк крутил головой и не понимал, то ли помешалось, то ли сама Джессика приехала на съемки новой комедии в их город.

Лёшке приходилось почти ежедневно после занятий ходить вместе с Белкой в кинотеатр. Парень не обладал высокой сознательностью и утонченным вкусом, поэтому ответил решительным отказом посещать кино дополнительно вечером. Ему хватало и того, что он ходил в синема как на работу, где все тыкали в их сторону пальцами и дебильнейшим образом улыбались. Именно тогда Лёшка твердо решил, что в Голливуд он никогда в своей жизни не поедет, ни за какие гонорары. Лучше уж грузчиком на хладокомбинате. Но Белке всё очень даже нравилось: и взгляды, и улыбки, и неземная популярность. Сафонову сложно назвать было умной в чистом смысле этого слова, но Бог наградил её тем, что делало её выше всех женщин на голову, – редчайшим и полнейшим отсутствием стервозности. Она никогда не спорила,

не возмущалась, радовалась всему и никогда ничего не просила, ни у судьбы, ни у людей. Лёшке не требовалось заводить подругу в вечной любви и мечтать о свадьбе, которую он побаивался еще с детства. Начитавшись русских сказок, он воспринимал свадьбу как языческий ритуал, на котором кончается жизнь. До свадьбы – Василиса-Краса и Иван-Царевич, любовь и приключения, после нее – пенсионеры, которые жили долго и умерли в один день. Лёшка понимал, какой подарок свалился ему на голову, поэтому терпеливо изучал перипетии отношений Хофмана и Джессики уже в четырнадцатый раз...

Вечерело. Очарование ранней весны исчезло, и за окном снова образовался зимний пейзаж – покрытые тонкой коркой льда лужи и спешащие по своим делам прохожие с поднятыми воротниками. Кофе был допит, пирожные съедены.

– Алекс, ну что, какие планы на вечер? – Белка еще раз окинула взглядом небольшое кафе.

– Бел, Поль попросил встретиться, так что я провожу тебя и сразу к нему, – Лёшка надел на себя куртку и снял с вешалки пальто для Белки.

– Супер, – Сафонова позволила себе помочь и для этого повернулась ему спиной – и Лёшка едва не отказался от своих планов, – у меня сегодня тоже дела. Я договорилась созвониться с Алёнкой Нелюбиной. У нее подруга вернулась со стажировки из Алжира.

– О, я даже не уверен – успеете ли вы всё обсудить за ве-

чер? – Лёшка рассмеялся и повел подругу на выход.

– Ну да, это только у вас, ребят, самые серьезные темы – пиво, домино, – Белка симитировала презрительный взгляд, взяла его под руку и прижалась головой к плечу.

Идти было недалеко, два квартала по проспекту Революции и налево во двор. По дороге Белка мило щебетала, жаловалась на трудности с испанским и на опасения, связанные с приближающимся коллоквиумом по историческому материализму. Лёшка, к своему сожалению, был здесь бесполезен. Испанский он почти не знал, кроме «El pueblo unido jamas sera vencido» (пока мы едины, мы непобедимы), истмат же очень любил и никогда не прогуливал, но знал его еще меньше. Лекции были объединенные вместе со студентами филфака и иняза, точнее, со студентками, парней на этих факультетах было мало. Лёшка на этих лекциях всегда садился боком в первом ряду и обозревал не только кафедру с умным и партийным лицом преподавателя, но и пару сотен породистых ножек филологинь. Зрелище было еще то. Лёшка серьезно опасался за свои глаза и иногда после лекций в университетском зеркале проверял, не образовалось ли у него случайно косоглазия. Однако, в глубине своей души, он считал это честной компенсацией за изучение исторического материализма и, пожалуй, вдобавок мог легко пожертвовать даже одним глазом за такую важную и необходимую науку.

– Ну всё, пришли, – Белка грациозно приподнялась на носочки и поцеловала его в щеку. – До завтра.

– Пока. – Скрипнула входная дверь, и подъезд проглотил его подругу. Поль снимал квартиру на улице Комиссаржевской, и Лёшка бывал у него не раз. Пешком десять минут, не больше. Он снова вернулся на проспект Революции и бодро зашагал по центральной улице города.

С Полем он познакомился месяц назад, на очередном университетском капустнике. Сокурсники много раз пытались приобщить Лёшку к искусству, но в роли лицедея он себя не представлял и поэтому всегда оставался профессиональным зрителем. Особенно настойчивым любителям Мельпомены доверительным шёпотом сообщал, что вместо ноги у него протез. Те выражали соболезнования и сочувственно улыбались. В тот день он немного опоздал, и вечеринка уже шла полным ходом. Будущие переводчики пели французские песни на мелодии русских романсов, филологи поставили зажигательную танцевальную композицию, смесь канкана и самбы, а исторический факультет разыграл небольшую сценку времен второй мировой. Всё шло как обычно. Лёшка ждал собственно двух мероприятий. Скоро должен был открыться студенческий буфет по случаю капустника и, конечно же, дискотеку. В зале было достаточное количество народа, но Лёшка обратил внимание на сублильного молодого человека в черном вельветовом пиджаке, с жиденькой бородкой и круглых очках. Чем он привлек к себе внимание, Лёшка так и не понял. Позже он себя много раз спрашивал, если бы знать какие события закрутятся после их знаком-

ства, подошел бы он к нему? Спрашивал и потерянно качал головой. На этот вопрос у него не было ответа.

Вельветовый пиджак, до этого неподвижно подпиравший колонну, отошел в глубину зала к окну, вытащил из сумки улётную игрушку – кубик известного венгерского скульптора Рубика и пытался её собрать. Лёшка немного понаблюдая за безуспешными усилиями и решил ему помочь.

– Привет! – Лёшка подошел к незнакомцу, мельком осмотрел наполовину собранный кубик и сказал – центр влево, правую два раза вниз, нижнюю влево, центр вправо, верхнюю два раза вправо, правую вниз и центр один раз влево. Парень в очках немного растерянно глянул на Лёшку и протянул ему кубик. Самойлов сделал несколько неумовимых глазу движений и вернул собранную игрушку её владельцу.

– Привет, ты фокусник? – слышался вопрос с легким акцентом. Парень с изумлением разглядывал шестигранный куб.

– Да, угадал, в шапито подрабатываю, – Лёшка улыбнулся и протянул руку: – Алексей, юрфак.

– Я Поль, – представился молодой человек, – подрабатываю, очевидно, в том же шапито преподавателем французского.

Молодые люди рассмеялись. Всегда приятно, когда не надо разжёвывать шутки и когда можно просто и легко общаться.

– Алекс, поясни, как ты его собрал? Я с ним бился неделю

и без результатов. Где научился?

– Было дело. Люблю логические задачи. Эта, кстати, не самая сложная.

– Бестолковый преподаватель может поаплодировать? – по-доброму усмехнулся Поль. – Научи, а то мне завтра его вернуть надо.

– Без проблем. После концерта, о'кей? Сейчас ты все равно ничего не услышишь.

– Да, конечно, спасибо. – Поль задумался на секунду и спросил: – А какие сложные задачи ты имел в виду?

– Всегда сложнее проанализировать характер человека, понять, что им движет, ну и безошибочно спрогнозировать его дальнейшие действия, если коротко. А игрушка, она и есть игрушка. Простой алгоритм.

– О, месье может предсказать мою судьбу? – Поль снисходительно улыбнулся. – Что используете, карты? кофе? попугаев?

Теперь улыбнулся Лёшка, занятный попался француз:

– Нет, к сожалению, гадать не могу, но пару добрых советов могу дать. Ты когда приехал в нашу страну?

– Полгода уже, – Поль потер руки в предвкушении, – я жду, месье, хотя бы советов. Это дорого стоит? А то у меня с собой всего один рубль.

Лёшка немного подумал, изобразил улыбку и произнес:

– Для иностранцев бесплатно. А советы простые. Первый, про Агафонову лучше забудь, а то вон тот качок в первом ря-

ду слева наcostыляет тебе от всей души. Второй, своего деда здесь надо искать не по европейским правилам. Запросы от частных лиц мало что значат. Здесь нужна другая методика. Если хочешь узнать реальную картину, лучше всего пообщаться с народом. Наверняка еще кто-нибудь жив остался с тех времен.

После этих слов еще целую минуту Лёшка обозревал статую «изумленный француз на вечеринке в СССР». Потом изваяние начало двигаться. Сначала заработала мимика лица, потом зашевелились плечи и наконец указательный палец невежливо уткнулся в грудь Лешки:

– Ты кто?

– Алексей, юрфак, – Лёшка снова улыбнулся и еще раз протянул руку. – Дедушка Юнг отнес бы тебя к типу сенсорно-этических интровертов, иными словами, ты слегка тормозишь. Поэтому вопросительное местоимение «кто» надо поменять на другое – «каким образом». На него еще раз отведу: анализ, логика и прогноз. В принципе, тоже достаточно просто...

Август 1983, г. Тур, Франция

Катрин сидела в глубоком кресле напротив сына и пыталась собраться с мыслями. Кофе давно уже остыл, круассаны оставались не тронутыми, оба сидели и молчали, не зная с чего начать.

– Мам, у меня есть немного коньяка, если хочешь, – сделал первую попытку Поль.

Катрин взглянула поверх его головы и молча кивнула. Поль, радуясь возможности разрядить обстановку, быстро отправился на кухню и достал из шкафа початую бутылку «Хенесси», плеснул немного янтарной жидкости в пузатый бокал, раскрутил его по стенкам и передал в руки матери. Та рассеянно приняла его и, слегка прикоснувшись губами к самому краю, спросила:

– Скажи, ты едешь по работе, или у тебя иная цель?

Поль прикоснулся к её руке и, не глядя в глаза, ответил вопросом на вопрос:

– Ты думаешь, мой ответ что-то изменит?

– Малыш, – Катрин поставила бокал на журнальный столик и поправила чуть растрепанный каштановый локон, – конечно, ровным счетом ничего. Ты вырос и в состоянии принимать самостоятельные решения. Я просто не могу себе найти места с тех пор, как ты сообщил мне эту новость. Пойми, меня постоянно тянуло в эту страну так сильно, что ино-

гда просыпалась и плакала по ночам, а мой муж всю жизнь пытался понять причину этих слёз и не мог. И вместе с тем я боялась этой страны, которая украла моего отца и разрушила мою семью. А сегодня мне еще раз страшно потерять тебя в ней. Прости, просто дурное предчувствие, моя мама часто говорила – обжегшись на молоке, дуем на воду. Мне сложно все это объяснить, прости, как-то сбивчиво всё получается, наверное, нервы.

Поль встал с дивана, подошел к матери и вложил в её руку бокал с коньяком:

– Не надо волноваться, мам, – попросил он. – Я еду по работе и по нашему семейному делу. И ничего страшного в этом нет. В мои годы Наполеон половину Европы завоевал, а мне надо пролететь всего лишь три тысячи километров. Какие могут быть беспокойства? Я столько прочитал книг про Россию, что мне просто непременно надо побывать там, иначе всё это бессмысленно.

Катрин сделала глоток и благодарно погладила сына по руке:

– Полюшка, я тебя понимаю, но просто боюсь. Законы логики здесь не работают. Мне страшно, что ты едешь туда, откуда мы убежали сорок с лишним лет назад.

– Мам, я хочу увидеть твою родину, я хочу попытаться найти могилу моего деда, я должен понять загадку русской души, в конце концов, помнишь, сколько раз мы говорили с тобой про это?

– Поль, нет никакой загадки, дружок, – у Катрин увлажнились глаза, – всё просто. Русские, они как дети. Они не принимают взрослых законов и, взрослея, остаются детьми. Перечитай Пушкина, его потрясающие строки по этому поводу: «Но, Боже мой, какая скука с больным сидеть и день и ночь... какое низкое коварство полуживого забавлять...». Здесь, у европейцев, так не принято. Мы днем работаем, ночью спим, на вечеринках радуемся встрече, как и положено на вечеринках. А русские, они живут без правил и протоколов: работают – когда хотят, едят – когда хотят и гуляют – когда им заблагорассудится. У них нет чувства ложного стыда, они плевать хотели на наши европейские комплексы. Ну какому французу придет в голову сказать «полуживого забавлять» у смертного одра? А им всё можно, им всё прощают как детям. А когда понимают, что они совсем не дети, удивленно говорят про загадочность русской души. Нет никакой загадки – у нас свобода выбора жизни, а у них – свобода души и эмоций. Они любят, не стесняясь своей любви, и так же ненавидят, совершенно не стесняясь своей ненависти. При взрослении приходит прагматизм, а им он не введом. Знаешь, я помню в детстве, когда мои родители отмечали праздники с друзьями, не было никакой разницы до и после праздников. Они так же радовались друг другу и в будний день. Именно поэтому весь мир с удовольствием читает их классиков. Ну, кто еще способен так искренне, не боясь суждений и критики, передать свою глубину чувств и эмоций?

Катрин сделала еще глоток и снова поставила бокал на столик. Поль молчал, пытаясь понять всё, что сказала мать. Раньше о подобном они никогда не говорили. Тишина вечера сомкнулась над их головами и поглотила в себе все посторонние звуки. Поль очнулся от раздумий и нерешительно произнес:

– Мам, всё уже решено. Я еду ровно через месяц. Я уже подал документы на оформление командировки. Не волнуйся, я туда и обратно, это же не край мира.

– Поль, если бы командировка была на Луну, я бы так не волновалась. Понимаю, что это материнские страхи, но ничего с собой сделать не могу, прости.

– Не извиняйся, мам, – Поль улыбнулся и поцеловал её в щеку, – мы же с тобой хоть немного, но русские, да?

Катрин достала из своей сумочки платок и промокнула им глаза. Потом еще раз сунулась в сумочку и на этот раз достала какие-то бумаги.

– Поль, чтобы немного облегчить задачу, я хочу кое-что тебе передать. Это всё, что у меня осталось от отца. Прошу об дном, если будет сложно что-либо узнать, не бейся головой об стенку, ты для меня дороже всего на свете. Вот всё, что мы смогли узнать о нем за сорок лет.

Она положила на стол фотографию и две бумаги, одну на стандартном листе, а вторую на клочке, почти истлевшем, сером и ужасно измятом. Поль жадно, но аккуратно схватил всё, что она выложила. С черно-белой фотографии прямо

ему в глаза смотрел молодой человек, чуть старше его по возрасту. Шатен, немного волнистые волосы, прямой нос, высокий лоб, пиджак и белая рубашка с галстуком-бабочкой, взгляд открытый и строгий, руки скрещены на груди. Поль с необычайным волнением разглядывал фотографию своего деда.

– Мам, а сколько ему здесь лет?

– Бабушка говорила, что около тридцати.

Поль отложил фото на время в сторону и пододвинул к себе остальные бумаги. На стандартном листе с изображением герба СССР и подписью «Коллегия Верховного Суда Союза ССР» с левой стороны, был напечатан на машинке короткий текст: «Справка. Дело по обвинению Бартенева Владимира Андреевича, до ареста – 28 мая 1937 г., работающего заведующим кафедрой философии в лисецком университете, пересмотрено Коллегией ВС СССР. Приговор тройки при Управлении НКВД СССР по ЛО от 30 октября 1937 года в отношении Бартенева В.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Бартенов В.А. реабилитирован посмертно. Председательствующий Судебного Состава Коллегии Верховного Суда СССР полковник юстиции Ю. Костромятин».

Поль перечитывал короткую, сухую справку десятый раз. Прикладывал и примеривал к ней фотографию своего деда, да какого там деда, Бог мой, молодого еще человека, который

совершенно не выглядел немощным стариком. Была жизнь, работа, семья, надежды, и кто-то взял и всё это перечеркнул по нелепой ошибке.

– Мам, а что за «вновь открывшиеся обстоятельства»?

– Поль, этого уже не узнает никто. Ты только не волнуйся, дружок. Я в себе носила те же чувства все эти годы и ношу их о сих пор. Может, теперь тебе коньяк предложить? – Катрин невесело улыбнулась.

– Нет, спасибо, ма, – я крепче пива ничего не пью.

Поль перевел взгляд на серый полуистлевший клочок бумаги и бережно развернул его. Надписи с двух сторон явно озадачили парня. На одной коряво было нацарапано: «Жду со шлюмкой», на обратной кто-то каллиграфическим почерком написал два слова: «Люблю. Сорока». Поль еще раз внимательно прочитал несколько слов, но ясности это не принесло. Он растерянно посмотрел на мать и спросил:

– Ма, а что это значит? – Поль поднес бумагу к близоруким глазам и по слогам прочитал – шлюм – кой, со-ро-ка. Сорока – это птица, да?

Катрин нервно поежилась, обняла себя за плечи и грустно произнесла:

– Если бы ты знал, как не просто начинать все заново... Послушай, Поль, точно такой же разговор у меня состоялся с твоей бабушкой лет тридцать назад. Это произошло уже здесь в Туре, после почти десяти лет скитаний по Финляндии. Сначала одна война, потом вторая. Мы про папу нико-

гда не говорили, это была запретная тема, но однажды бабушка показала мне этот маленький клочок бумаги и рассказала его историю. Перед нашим побегом из страны папу арестовали, и они с мамой заранее договорились, что он в течение месяца сообщит ей имя того, кто подскажет, где его искать. Однажды наш знакомый по Лисецку привез вот это сообщение от папы. На одной стороне – это его почерк. Так мама сказала...

– Мам, погоди, мне совсем непонятно, что написано не его рукой, – перебил её Поль.

– Здесь как раз всё предельно ясно. Наш друг пояснил, что шлюмка – значит тарелка, и для того, чтобы попасть в твои руки, записка проделала длинный путь, через несколько камер и через десятки рук. Кто-то давал папе знак, что готов принять от него письмо. Как его звали, я не знаю, да и никто бы такого не сказал. Папин друг нам сообщил, что отец арестован и что статья у него расстрельная. Ждать нам было больше нечего, – Катрин на секунду окунулась в воспоминания, а глаза снова наполнились слезами. – А что касается записки, то самое интересное – это как раз «Сорока». То, что это не птица, я надеюсь, тебе понятно. Папа же обещал дать для контакта человека, кто помог бы его найти. Мама сначала думала, что это чья-то кличка, но тот, кто привез записку, сказал, что таких в Лисецке он не знает. Потом они вместе решили, что это фамилия, но опять же папин друг звонил несколько раз в Лисецк и через кого-то узнал, что в

городе три человека с такими фамилиями, но они принадлежали одному алкоголику и двум пенсионерам. Этот вариант тоже отпал. Оставался один единственный: скорее всего это либо кто-то из политических, тот, кто был вместе с отцом в камере, либо, как после предположила мама, он просто указал неверную фамилию, лишь бы мы только уехали из страны. В результате никто из нас так этого и не узнал. В пятьдесят седьмом году мама сделала кучу запросов, пока, наконец, не появилась вот эта справка, которую ты держишь в руках. Главное то, что отца расстреляли тогда еще в тридцать седьмом, а где его могила – так никто и не узнал.

Поль сидел на диване и внимательно изучал документы, но ничего нового, кроме той информации, что была заключена в них, они сообщить не могли. Катрин замолчала, и Поль, чтобы не порвать тонкую нить разговора, сказал:

– Мам, наверное, это всё не просто будет, но я постараюсь что-нибудь раскопать.

– Поль, твоя главная задача – твоя работа, – Катрин твердо посмотрела ему в глаза, – обещай мне, что этот приоритет останется для тебя на первом месте.

– Не волнуйся, так и будет, обещаю. Если я брошу работу, то меня выгонят из страны, – улыбнулся Поль.

– Ты напрасно шутишь. Тебя ждет страна, полная секретов, и эти секреты охраняются такой организацией как КГБ. И если, спаси Бог, ты залезешь на их территорию, тебе несдобровать. И, – она протестующе подняла руку на по-

пытку сына возразить, — даже если это твой родной дед, его прошлое может так же составлять какой-то секрет. Если хочешь сделать мне приятное, сделай побольше фотографий, сходи в тот дом, где мы жили. Я точный адрес не знаю, но название улицы помню — Плехановская, а дом рехэтажный, желтого цвета, с аркой, и если войти во двор, то там еще одна арка будет в доме напротив. Да кстати, там у нас во дворе два дерева срослись вместе, мы, будучи детьми, прятались в них. Может, они уцелели во время войны, кто знает.

— Конечно, схожу, мам, мне самому это очень интересно.

— Поль, не забудь про своё мужское обещание, я надеюсь на тебя. О-ля-ля, — Катрин посмотрела на маленькие часики, — совсем заговорились мы с тобой, уже ночь. Мне пора.

— Ма, давай такси вызовем, — подскочил Поль.

— Нет, спасибо, я пешком пройду. Хочу немного воздухом подышать, не провожай. Чао, дружок, — она подошла к сыну, поцеловала его, закидывая кожаную сумку себе на плечо, и спустя минуту Поль наблюдал в окно, как хрупкая фигурка в легком белом плаще вышла из ворот его двора.

Месяц пролетел незаметно. Поля целиком поглотила суета подготовки и сбора документов, и еще не давали расслабляться уроки французского, которые никто не отменял. Департамент образования в течение недели дал положительное заключение на ротацию двух педагогов. Еще через две недели он получил рабочую визу в свой паспорт, и последняя неделя ознаменовалась тем, что пришло еще одно письмо от

Люка Арно.

Поль без ножа вскрыл конверт, надеясь увидеть внутри обширное послание, но старина Люк был как всегда немногословен: «Дружище, привет. Надеюсь, что ты успеешь получить письмо до своего отъезда. Очень рад, что сменишь меня. Пишу с одной целью, о деньгах. Будь внимателен с наличностью. В этой стране нельзя платить франками и нельзя их менять, где попало. Ты не поверишь, здесь с этим строго, вплоть до расстрела. Это не шутка. Официальный курс зверский, конечно, ориентировочно за сто франков дают двенадцать рублей с копейками. С рук можно продать раз в десять дороже, но риски огромные. Прилетишь в Шереметьево и сразу топай на второй этаж. Там есть специальный пункт обмена валют для иностранцев. В городе обмен денег только в гостиницах, да и то не во всех. Главное, задекларируй франки на таможне и упаси тебя Бог потерять декларацию. Без нее и без чеков из обменников тебя могут задержать на обратной дороге во Францию, даже если франки тобою честно заработаны, не смейся, такие случаи были. Да, и что касается твоего маршрута по прибытию: Шереметьево – автобусом до Москвы – метро до станции Комсомольская, оттуда Казанский вокзал и Лисецк. Всё, обнимаю, твой Люк»...

Последний день лета совпал со днем отъезда. Поль еще раз пробежал глазами по поверхностям столов, кресел, дивана и, не найдя ничего забытого, перенес свой рюкзак и красный чемодан – отец расщедрился и одолжил его на время

командировки – в коридор, поближе к выходу. Документы и деньги, все сбережения Поля – шесть банкнот по пятьсот франков каждая, лежали во внутреннем кармане клетчатого пиджака. Часы на кухне показывали восемь утра. Было еще время на чашку кофе. Мама должна была подойти с минуты на минуту, а отец обещал забрать его в половине девятого и отвезти на железнодорожный вокзал. Поль уже разливал ароматно пахнувший кофе по двум чашкам, как в дверь раздался звонок. Это была Катрин. Она прошла на кухню, присела у небольшого столика с кофейными приборами, положила голову на руки и с улыбкой молча наблюдала за последними приготовлениями сына к отъезду.

– Ма, скажи, это стало доброй традицией или мой кофе тебе больше не нравится? – Поль подошел к столу, взял свою чашку и шутливо использовал её как фужер шампанского, прикоснувшись краем к чашке матери. – За то, чтобы я нормально добрался до места.

– Не разбей посуду, у тебя ее не так уж много, – улыбнулась Катрин, – доберешься без проблем, уверена, главное – выбраться обратно. – Улыбка погасла, так и не набрав силу.

– Мам, ну что за настроение, всё будет хорошо. И потом, давай ободряй меня. Я же боюсь летать. Смотри, а то плюну на всё и останусь дома.

На этот раз Катрин рассмеялась:

– О да! Мама, утешающая мушкетера. Совесть поимей.

Снова раздался звонок, на этот раз приехал отец – Мо-

рис Дюваль, поджарый седеющий брюнет с неизменной приветливой улыбкой на лице, в белых брюках и белой рубашке. Запах дорогой туалетной воды порадовал стены скромной квартирки.

– Bonjour, Paul, es-tu pret? Je pense nous avons besoin de se depecher. (Привет, Поль, ты готов? Я полагаю, нам надо поторопливаться) – отец подошел к сыну и пожал ему руку. Тут же увидев свой чемодан добавил, – Jespere t’aide ma valise? Je veux te donner un conseil -il ne doit pas etre rempli de choses sinon il perdra sa forme. (Я надеюсь, мой чемодан пригодился? Хочу дать тебе совет – не набивай его сильно вещами, иначе он может потерять свою форму).

– Bonjour, papa, – Поль поприветствовал его в ответ. – Oui, je suis pret, et pour la valise, desolee. La prochaine fois, vais regarder de plus pres a lui. (Да, я уже готов, извини за чемодан. В следующий раз буду внимательнее).

Отец похлопал в знак одобрения его по плечу и заглянул на кухню, зная, что Катрин пьет кофе.

– Salut cherie, regardez bien, comme il y a vingt ans. (Привет, милая, прекрасно выглядишь, как двадцать лет назад) – они дружески поцеловались.

– Trompe bien sur, mais merci quand meme. Pourquoi pas une veste? Sur le travail a change le code de robe? (Навраб, конечно, но всё равно спасибо. А почему не в пиджаке? На работе поменялся дресс-код?) – Катрин рассмеялась.

– Oh non cherie. J’ai d’abord aller a la gare et ensuite, je vais

mettre une veste, et j'irai au travail. (Нет, дорогая, сначала я поеду на вокзал, потом домой, чтобы надеть пиджак, и только потом на работу).

– Oui, difficile de te vie (М-да, непросто тебе живется). – Катрин снова звонко рассмеялась, потом подошла к Полю, поцеловала его и на секунду прижала к себе:

– Ну всё, вам пора, а то опоздаете. Береги себя, дружок...

Поль поцеловал мать, схватил чемодан, доверив отцу нести рюкзак, и двинулся на выход.

– Bonne chance, Maurice (Удачи, Морис), – она махнула рукой бывшему мужу.

– Bonne chance, Catherine (Удачи, Катрин) – попрощался он в ответ.

Один день прокрутил Полю такой калейдоскоп событий, какого тот не видел за всю свою жизнь. За пятнадцать минут они доехали с отцом до железнодорожного вокзала. Отец снова поменял машину. На сей раз это был непатриотичный, но чертовски практичный БМВ – кабриолет третьей серии темно-фиолетового цвета. Поль втайне подумал, с каким удовольствием он на нем доехал бы до Парижа, а может и до Лисецка, чего греха таить.

Потом два часа подряд под легкое покачивание вагона он наблюдал, как желтые поля убегали от перелесков, как реки и ручьи сплетались голубыми жилками вдоль черного асфальта автобана. Все кругом были оживлены – дорога лежала в столицу. Потом новое событие – вокзал Аустерлиц и Се-

на. Поль готов был там остаться на весь день, чтобы просто стоять на набережной и смотреть на бесконечные воды великой реки, но надо было спешить. Час неторопливой поездки на автобусе на северо-восток от Парижа, полчаса бегом по современному зданию аэропорта Шарль де Голль, чашка чая и булка с сосиской окончательно утомили молодой организм. Поэтому, усевшись в кресло эконо класса и приветливо поздоровавшись с молодой соседкой, Поль пристегнул ремень и, приложив голову к иллюминатору, тут же неожиданно услышал... как объявляют посадку в Москве. «Бог мой, проспать свой первый полет» – ужаснулся Поль и посмотрел на часы. По местному времени было половина пятого, значит, до отхода поезда на Лисецк оставалось около четырех часов.

Автобус доставил оживленную толпу туристов от самолета до здания вокзала. Через пять минут люди, ведомые стюардессой, выстроились перед паспортным контролем. Молодой человек в защитного цвета кителе с зелеными погонями долго сличал фотографию в паспорте Поля с оригиналом, не менее долго листал документ, поинтересовался целью поездки, наконец, поставил штампель и попрощался. Поль, не привыкший к такому пристальному вниманию, с облегчением выдохнул и отправился получать свой багаж. Пока он заполнял декларацию, красный чемодан ведущего спортивный колонки «Тур Суар», как царь в окружении челяди, выехал на ленту транспортера, где и был подхвачен своим вре-

менным арендатором. Поль, проходя через линию таможи, предъявил свою декларацию и сразу же получил приглашение пройти в маленькую кабинку, где его франки были очень вежливо осмотрены и пересчитаны, там же ему проштамповали декларацию и пожелали хорошего дня. После рассказов Катрин, Поль немного иначе представлял себе эту страну. Более суровой и опасной. А на самом деле советские люди оказались очень милы и мало чем отличались от французов. Еще больше он удивился, когда он вышел в общий зал, и к нему навстречу кинулась группа физкультурников. Одетые все как на подбор в спортивные костюмы, они наперебой предлагали добраться до Москвы. Поль, смущаясь таким вниманием, вежливо объяснил им, что воспользуется автобусом, и пошел на второй этаж в поисках обменного пункта. Благополучно превратив тысячу франков в сто рублей с мелочью, Поль узнал у вежливого сотрудника милиции, где находится остановка автобуса до Москвы. Еще раз поразился тому, что милиционер довел его практически до автобуса и пожелал хорошего дня. «Да, милая мама, здесь, очевидно, всё изменилось за последние пятьдесят лет». Настроение было прекрасным.

До Москвы Поль добрался за полчаса и еще через пятнадцать минут, бросив пятак в щель приемника монет, уже спускался по эскалатору в метро. Ошарашенно разглядывая мраморное величие ярко освещенного перрона с мозаичными потолками, Поль едва не пропустил поезд, размыш-

ляя о том, что совершенно незаслуженно московскую подземку не отнесли к восьмому чуду света. Внимательно изучив схему в вагоне, он нашел её очень простой и понятной. Настроение его значительно улучшилось. Еще бы, первый раз в незнакомом городе, лихо перепрыгнув с ветки на ветку, ни разу не ошибившись, стоять и разглядывать красное здание Казанского вокзала. До посадки на поезд Москва – Лисецк оставалось около часа, которые Поль потратил на покупку билетов и дегустацию в местном кафе восхитительного напитка под названием какао, советской версии горячего шоколада, и не менее замечательных пирожков с мясом.

Наконец, по громкой вокзальной связи была объявлена посадка, и молодой француз с русскими корнями, немного волнуясь, пошел на указанную платформу. К вечеру заметно похолодало, и поэтому Поль с благодарностью отозвался на предложение проводницы угостить его чашкой чая. Купе было пустым и пассажиров не прибавилось даже к моменту отправления поезда. Вытянув ноги и глядя в окно, Поль думал о том, как приятно, оказывается, путешествовать и что непременно, ну хотя бы раз в год он будет планировать свой отпуск в новых поездках по новым странам.

Рано утром поезд прибыл в Лисецк, и первое, что увидел Поль, – была радостная физиономия Люка Арно, молодого крепкого мужчины, который за последние два года стал совершенно необъятных размеров. Он бросился его обнимать и, подхватив его чемодан, на ходу стал объяснять, что

через час занятия, и он опаздывает, что сейчас они едут к нему домой, где Поль может обустроиться, что сегодня во второй половине дня надо сдать документы и что уже завтра месё Дюваль становится новым преподавателем французского языка и литературы на кафедре иностранных языков. Поль, не успев задать ни единого вопроса, увлекаемый товарищем, оказался в автобусе, следующим до центра города. Люк говорил не умолкая. Неожиданно молодая девушка из-за его спины протянула Полю талончик и попросила: «Прокompостируйте, пожалуйста». Дюваль взял бумажку в руки и растерянно посмотрел на Арно. Тот взглядом указал на маленький стальной ящик, висевший у окна на уровне глаз. Поль интуитивно вставил талон в щель и стал ждать, но ничего не происходило. Арно еще раз выразительно показал глазами на компостер. Поль сообразил и нажал сверху на металлический рычаг. Раздался характерный звук, и бумага оказалась продырявлена в нескольких местах. Поль вернул талон его хозяйке и получил взамен «Спасибо». Это было восхитительно. Через минуту Дюваль компостировал талоны всем желающим налево и направо с таким удовольствием, что только окрик выходящего из автобуса Арно заставил его бросить удивительный процесс и поспешить на выход.

– Люк, хотел спросить, как ты умудрился так неприлично потолстеть? – со смехом спросил Поль.

– Ага, посмотрю на тебя через год, – совершенно не обиделся старый товарищ, – ты даже не можешь себе предста-

вить, как великолепно здесь готовят пирожки с капустой...

Ну что, bonjour, Лисецк...

Февраль 1984, г. Лисецк

Последние полгода для Поля пролетели как один день. Он достаточно быстро втянулся в ритм жизни советского преподавателя и не заметил, что периода адаптации не было, как такового. Жил он в той же однокомнатной квартирке на Комиссаржевской, которую снимал Арно. До университета ему было прогуляться семь минут пешком, всё было удобно и достаточно комфортно. Поль иногда смеялся, когда вспоминал свои первые дни в Лисецке. Так, впервые попав в гастроном, он долго топтался на месте, не понимая, какую очередь занимать, в продуктовый отдел или в кассу. Или, решив купить кефир, пытался найти среди стеклянных бутылок с разноцветными крышками и без этикеток необходимый продукт. Что его постоянно удивляло – так это люди, которые, увидев растерянное лицо Поля, сами приходили на выручку. Они подсказывали, какую очередь сначала занимать, или принимались объяснять, что молочная продукция маркируется как раз именно на разноцветных крышечках.

Люди вообще были удивительны и совершенно не похожи на французов. Поль вспоминал вечеринки в Туре, всегда в бистро или пабе, ровные, немного сдержанные, с неторопливыми беседами под кружечку пива, иногда с коротким взрывом смеха, но главное – это возможность совместно поужинать. Компания всегда делила счет между собой, и все

расходились по домам, довольные друг другом и жизнью в целом. Поль считал подобный отдых единственно для себя возможным, но когда он попал Лисецк, картина мира перевернулась с ног на голову.

Конечно, здесь не было привычных желудку креветок, салата «Цезарь», бургундских улиток, да и вообще в магазинах было скудно, но какой фантастический здесь варили холодец или готовили салат оливье – потрясающее блюдо с картошкой, вареной колбасой, майонезом, яйцами и маринованными огурцами. Дружеские вечеринки никогда не собирались в кафе или ресторанах. Еда в этой стране была совсем не главной целью. Дом или квартира – единственное достойное место для настоящих друзей, где молодые люди сами себя обслуживали, где смех и шум никогда не стихал, где пели под гитару, танцевали под раритетные бобинные магнитофоны, а поздними ночами читали стихи русских бардов. Каждый нес на вечеринку, что мог. И ничего, что не было шоколадных конфет. Их с лихвой окупал самодельный торт «наполеон» или просто вареная сгущенка. Но что поражало больше всего – никто и никогда не брал денег, это вообще здесь считалось дурным тоном. Первый раз попав на подобное мероприятие, Поль пришел с пустыми руками, и когда он спросил у хозяйки квартиры, молодой преподавательницы истории, сколько он должен заплатить, наступила гробовая тишина. Все замерли и повернули обалдевшие лица в сторону француза. Потом грянул гомерический хохот, от ко-

торого завибрировали стекла в серванте с рюмками, и каждый по очереди пытался дружески хлопнуть Поля по плечу или спине: «ну, ты дал», «это вам не Копенгаген», «вот оно — лицо загнивающего капитализма». Каждый раз утром Поль, вспоминая своих французских друзей, искренне жалел, что они так и не смогли ни разу по-настоящему повеселиться.

Впервые он немного открыл для себя советских людей, когда седьмого ноября пошел на демонстрацию. Люди шли по центральной площади с транспарантами, флажками, внутренне спокойные и необычно уверенные в себе и в своей будущей жизни на ближайшие сто лет. Эта уверенность заразила Поля, с гордостью несущего в руках плакат с одним из политических лидеров страны. Он шел и радовался как ребенок, которого взрослые позвали с собой на ответственное и важное мероприятие. Глядя в эти лица, он понял, что бесконечные очереди, дефицит, отсутствие продуктов на полках — для них это мелочь, ерунда, не стоящая внимания, а главное — то, что сегодня они вместе, плечом к плечу, едины как одна большая семья.

За полгода Поль изучил Лисецк, как свои пять пальцев. Он вообще считал, что город очень похож на его родной Тур, небольшой, уютный, где почти все друг друга знают.

На работе было интересно. Доброжелательные коллеги, по-хорошему любопытные студенты. Поль привык к постоянному вниманию к своей персоне, со временем это его перестало смущать. Он немного переживал, когда особо рети-

вые девушки оказывали ему совсем не студенческие знаки внимания, но потом смог найти правильную линию поведения, и подобные проблемы отпали. В свободное от работы время он много гулял, читал, иногда, просто не отрываясь, часами смотрел в окно. С телевидением была, конечно, беда – всего два канала, да и то политические и информационные, но Поль не унывал. Он же не телевизор ехал посмотреть за три тысячи километров. К тому же у него было дело.

Начиная с поздней осени, Поль занялся поисками деда, но далеко в этом вопросе продвинуться не смог. Открытые публичные библиотеки и архивы не содержали подобных сведений, Поль это понял через три месяца кропотливой работы. Остальные источники были надежно засекречены, как, впрочем, и всё в этой стране. Перепробовав все возможные варианты, Поль подумал, что возможна еще одна дорога – попробовать найти неформальные контакты среди тех людей, которые владели такой информацией. Однажды подобный случай представился в самом начале февраля. Поль обедал в студенческой столовой, уплетая за обе щеки паровые биточки, когда к нему под села Мария, преподаватель испанского, еще достаточно молодая и веселая женщина. Они раньше часто встречались на заседаниях кафедры и тихо дружески болтали, пока заведующий долго и нудно вещал о повышении качества знаний и культуре поведения преподавателей.

– Привет, Поль, ты не против? – она поставила на его стол поднос с салатом и кофе.

– Конечно, присаживайся! Привет, Мари, – Поль освободил место на столе, вежливо подвинул поближе к себе беспорядочно расставленные тарелки и стаканы. – Как дела?

– Всё хорошо. побыстрей бы весна. Я просто умираю без солнца. А ты как?

– Спасибо, в порядке. Я питаюсь котлетами, поэтому могу прожить и без светила, – пошутил Поль.

Мария рассмеялась, потом спросила:

– Кстати, как твои поиски деда? Есть что-нибудь новое?

– Нет, Мари, всё без толку. В архивах пусто, а всё, что вне архивов, то секретно. Просто беда, не знаю, что делать.

– Знаешь, возможно, я смогу помочь, – Мария наклонила свою голову к его голове и, чуть понизив голос, сообщила: – У меня в группе учится студентка, Нелюбина Алёна, а у нее отец служит в местном КГБ, вроде шишка не маленькая. Поговори с ней, ей не трудно будет тебя познакомить с отцом, а тот поможет, чем сможет. Это же ведь не государственная тайна.

– Спасибо, Мари, – Поль придвинул к себе стакан с чаем и немного подумал, прежде чем ответить, – но мне неудобно, да и вообще, как ты себе это представляешь?

Испанка хмыкнула:

– Поль, у русских есть пословица – «Под лежащий камень вода не течет» – очень правильная, кстати. Если хочешь чего-то добиться, то действовать надо, а не спать. Не валяй дурака, у меня сейчас в ее группе семинар, я скажу, что ты зав-

тра с ней поговоришь после занятий, и всё. Попытка – не попытка.

– Спасибо еще раз, Мари, – Поль был в нерешительности, – ну давай попробуем.

– Конечно, давай. Заскочи ко мне после пары на кафедру. Я скажу время и место.

Через пару часов Поль заглянул в кабинет преподавателей – испанцев и нашел взглядом Марию, которая махнула ему рукой и вышла в коридор :

– Всё в порядке, завтра в четыре у входа в университет, брюнетка, глаза карие, такие... чуть раскосые, узнаешь...

Действительно, узнать было не сложно. Стройная фигурка в умопомрачительной дубленке, пританцовывая и цокая каблучками, сама подошла к нему на следующий день и, улыбаясь, спросила:

– Вы Поль? Я Алёна, здравствуйте, – девушка протянула руку.

– О, Алёна, здравствуйте, – засуетился Поль, перекладывая сумку на длинной ручке с плеча на плечо и пожимая ей руку. – Спасибо, что согласились встретиться, мне не очень удобно...

– Зато мне очень удобно. Не каждый день прогуливаюсь с настоящим французом, – рассмеялась Алёнка, – пойдёмте, проводите меня, здесь недалеко, всего пара кварталов, заодно и поговорим.

Они вышли на улицу, где было морозно и скользко. Де-

вушка запросто взяла его под руку и, указав направление, шутливо спросила:

– И чем же я могу вам помочь, месьё?

Поль весь вечер обдумывал, что и как он ответит на подобный вопрос, но ничего умного не придумал. А сегодня неожиданно понял, что сказать нужно правду.

– Алёна, мне на самом деле неудобно, что я обращаюсь к вам с подобной просьбой. Мне сказала Мария, что вы единственная, кто может мне помочь решить мою проблему, а точнее, ваш отец...

– Господи, ну почему так всегда? Всем нужен отец, а я никому не нужна, – рассмеялась девушка.

– Нет, вы очень всем нужны... – начал Поль, потом понял, что сморозил глупость и попытался исправиться, – ну, в смысле, нужны мне... как... ну для...

– Я поняла, – Алёнке было приятно манипулировать несчастным французом, – не мучайтесь, рассказывайте.

– Да я, в общем-то, немного сказать могу, – вздохнул Поль, – У меня, как у каждого человека, был дед, который родился в этом городе. Потом его в тридцать седьмом году арестовали и через полгода расстреляли. Спустя двадцать лет его реабилитировали – обычная история того поколения. Я хочу найти его могилу или хотя бы место его захоронения, чтобы сообщить матери. Обошел все архивы, но далеко не продвинулся. Вот собственно и всё. Был бы очень признателен, если бы ваш отец смог бы мне помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.